

Армии противников в польско-шведской войне 1601— 1629 годов

Вооруженные силы Речи Посполитой

В этой войне поляки вновь показали себя прекрасными бойцами, не имеющими современной военной организации.
Арви Корхонен, финский историк

Мы - народ свободный, Богоматерью нашей возлюбленный, народ, чье богатство - честь, а оружие - слава, многолюдством и просторами государства все христианские земли превосходящий...
Из речи сенатора Яна Замойского на заседании сейма 1624 года

Вступление

Война 1601-1629 годов разделена перемириями на четыре этапа— 1601 -1611, 1617-1618, 1621-1622 («Инфлянтская экспедиция») и 1625-1629. Последняя война известна в Польше как «война за устье Вислы», «Прусская война», а также «Война двух Ваза», - Сигизмунда III (1566-1632) и его кузена Густава II Адольфа (1594-1634), явилась серьезным испытанием для вооруженных сил Речи Посполитой и в целом для всего двуединого государства, соединенного в Люблинскую унию Королевства Польского (Короны) и Великого Княжества Литовского (Литвы), «Великого Содружества Народов», имевших собственные границы территорий, органы управления, законы, бюджеты и вооруженные силы. Этот военный конфликт, завершающий этап длительной тридцатилетней распри, стал самым дорогостоящим и тяжелым за всю историю государства. В итоге случилось первое поражение Речи Посполитой в большой войне за несколько веков.

Войска шляхетской империи-республики, сочетавшие в себе местные, выработанные веками оригинальные особенности и в то же время испытывавшие большое влияние южных и западных соседей, находились в состоянии затянувшегося перехода от феодально-рыцарской военно-мобилизационной системы в сочетании с вербовкой иноземцев к постоянной регулярной армии Нового времени с ее тактическими, техническими, организационными и мобилизационными новациями. Военная система Речи Посполитой, миновавшая пик ее развития, представляла из себя интереснейший в своем многообразии феномен, непохожий ни на одну из военных систем соседних государств того времени. Она имела как несомненные достоинства, так и очевидные недостатки, наряду с новейшими заимствованиями в ней соседствовали отставшая на два века, отжившая архаичная старина, рядом с отличными частями выступали формирования, негодные для боя.

Почему терпели поражения огромные польско-литовские рати? Только ли потому, что руководились бездарными полководцами, а солдаты были плохи и не хотели воевать? Но почему тогда они малыми силами громили многократно превосходящие вражеские полчища? Потому ли, что были талантливы гетманы и военачальники, а жолнежи были лучшими в свете? Почему Речь Посполитая была побеждена страной, уступающей ей по населению в шесть раз, по населенной территории в три раза, а по экономическим ресурсам на целый порядок? Не случайно в оценке историками польско-литовских вооруженных сил первой

четверти XVII века одновременно соседствуют как панегирические, комплиментарные, так и уничижительные оценки. Не будем, однако, повторять их, а постараемся дать ответ на поставленные здесь вопросы, найдя истину, как обычно, где-то посередине.

Данный не претендующий на полноту журнальный очерк ставит себе посильную цель, опираясь на труды польских историков, дать общую характеристику состава, командования, комплектования, организации, финансирования, снабжения, боеспособности, тактики, боевой практики и вооружения различных родов конницы и пехоты, а также артиллерии и инженерных войск Речи Посполитой периода войн 1601-1629 годов, послужив тем самым усилению интереса читающей публики к данной малоизвестной теме.

Вместе с тем в данной статье хотелось бы обратить внимание заинтересованного и просвещенного читателя на бытующие в историческом обиходе неточности, ошибки, заблуждения и просто мифы данной эпохи, которыми со временем неизбежно оказывается окружена история любой армии и любой войны.

Командование

Король Польский, Великий князь Литовский (и прочая и прочая) хотя и объявлял войну и заключал мир, но только с одобрения сейма и сената, и распоряжался он только своей личной гвардией (правда, в отсутствие гетмана мог принять на себя командование войском.) Общее командование коронными (польскими) войсками осуществлял согласно Конституции Речи Посполитой великий гетман коронный (некто вроде военного министра или маршала империи), назначенный королем по согласованию с сеймом и польским сенатом, а также его заместитель, польный гетман коронный (фельдмаршал). Командование литовскими войсками — также назначенный королем по согласованию с сеймом и литовским сенатом великий гетман литовский и его заместитель польный гетман литовский. Если на войну выступали оба гетмана, старшим считался литовский.

При вступлении в чин гетман получал церемониальную гетманскую булаву в качестве символа своей должности, она добавлялась в его герб. Великие гетманы назначались на должность пожизненно, нередко после смерти великого гетмана его булаву принимал польный гетман.

В войне 1601 — 1611 годов великим гетманом коронным являлся Ян Замойский, литовским являлся В войне 1626 — 1629 годов место великого гетмана коронного после гибели в битве с турками и татарами под Цецорой в 1620 году Станислава Жолкевского оставалось вакантным, а после смерти от ран после битвы под Хотинском в 1621 году Яна Кароля Ходкевича новый великий гетман литовский Лев Сапега был назначен только летом 1625 года, после вторжения шведов в Ливонию. В описываемый период польным гетманом коронным являлся Станислав Конецпольский (1590 - 1646), герой войн с Московским государством, Турцией и Крымом, зять покойного гетмана Жолкевского. Польным гетманом литовским был то время Кшиштоф II Радзивилл, сын покойного великого гетмана литовского Кшиштофа Радзивилла «Перуна», весьма авторитетный в Литве политический и военный деятель, богатейший землевладелец и магнат. С августа по октябрь 1626 года, до прибытия с Украины войска Конецпольского армией в Пруссии номинально руководил король Сигизмунд III.

В отсутствие польного гетмана коронным войском командовал назначенный королем региментарь войск коронных (в Литве региментарь литовский). Чин региментаря присваивался также командующему отдельным корпусом. Так, зимой 1628\29 года коронным войском в отсутствие Конецпольского командовал региментарь Станислав Потоцкий, а после фактического отстранения Радзивилла от командования войсками в Инфлянтах руководил региментарь войск литовских Александр Корвин Гонсевский. Иногда при отсутствии гетмана во главе войска, как, например, при походе на Богдана Хмельницкого в 1648 году, стояли сразу три назначенные региментаря. Причем в данном случае отсутствие единоначалия усугублялось тем, что один из них — князь Остророг, был мужем учености, но никаким

полководцем, князь Замойский известным сибаритом, а 20-летний юнец Александр Конецпольский удостоился чина за заслуги отца-гетмана. Это дало повод Хмельницкому заявить, что ему не страшны «латина, перина и детина.»

Великие гетманы в мирное время осуществляли общее административное руководство из столицы, а в военное время возглавляли войско в походе. На войне обычно командовали мобилизованной армией военного времени, а во время мира оставались в столице, принимая участие в политической борьбе, отстаивая интересы армии и готовя будущие кампании.

Польные гетманы подчинялись великим гетманам, в их присутствии в битвах обычно командовали передовыми войсками и артиллерией, в отсутствие — всем войском. Во время мира польный гетман находился на юго-восточных границах Речи Посполитой, командуя постоянными «небольшими квартовыми» войсками, набранными на средства короля, и отражавшими постоянные набеги татар и вторжения турок, в числе которых были взятые на службу Короне (Польше) реестровые казаки. Польный гетман также имел право на заключение перемирий.

В случае, если великий гетман погибал, функции его выполнял польный гетман или региментарь коронный (литовский), назначаемый королём (обычно региментарем назначался командир ополчения).

Права и обязанности гетманов включали в себя планирование и ведение военных действий, набор армии, наблюдение за реестровыми и запорожскими казаками и гетманами Запорожской Сечи, избираемыми на два года, назначение и повышение в чине командиров, выбор мест для постоя войск (что могло стать очень тяжёлым наказанием для городов или магнатов, с которыми гетман не был в дружбе), контроль за войсковой казной, жалованием жолнежей и военным правосудием (во время войны — с правом смертной казни). Гетманы также могли устанавливать армейские уставы, так называемые гетманские артикулы. Они же принимали и рассматривали жалобы шляхты, духовенства, мещан и хлопов и возмещали убытки, нанесённые войсками мирным жителям.

Так как столичная (с 1618 года) Варшава была далеко, великие и польные гетманы имели право самостоятельно посылать посланников в Османскую империю и к её вассалам: Молдавии, Валахии, Крымскому ханству, а гетман литовский — вести мирные переговоры и заключать перемирия с шведским генерал-губернатором в Лифляндии, гетман коронный — с шведским генерал-губернатором в оккупированной Королевской Пруссии.

Хотя гетман не руководил королевской гвардией и войсками, выставленными городами и магнатами, но во время войны те добровольно обязывались ему подчиняться. Кроме того, гетман не командовал военным флотом Речи Посполитой (он базировался в Данциге и управлялся Королевской корабельной комиссией из двух комиссаров, утверждавших командуящего флотом). Гетман также не мог руководить сбором государственного ополчения (посполитого ружения), но имел право отдавать приказы проводившим его воеводам и каштелянам. Несмотря на то, что гетманы входили в число высших должностных лиц Речи Посполитой, по Конституции они не имели права заседать в сейме или сенате, но часто добивались этого, став воеводами, каштелянами или депутатами от местной шляхты, избранными на сеймиках. Нередко гетманы, не получая денег от казны, вели войну на свои или одолженные у магнатов средства.

В штат ставки гетмана входили:

-польный писарь, который заведовал канцелярией, архивом, учетом численности войска, финансами, снаряжением и выплатой солдатского жалованья (жолда) и его штат;

-стражник, отвечавший за безопасность, разведку и контрразведку в лагере и на марше, командовавший передовыми частями; в случае, если при войске находились оба гетмана, польный гетман назначался великим стражником коронным (литовским);

-обозный, который заведовал обозом, отвечал за организацию лагеря и транспорта, определял место для стоянки армии, обеспечивал снабжение и безопасность внутри лагеря, и

его штат;

- шпитальный, который заведовал полевыми лазаретами, и его штат;
- военный судья, который заведовал военным судом, и его штат;
- брабанмейстер, отвечавший за службу тыла, и его штат.

Полковники командовали полками, являвшимися временными единицами, отдельными или сводными отрядами («хуфами») из нескольких полков и хоругвей (рот).

Ротмистры, являвшиеся основным звеном в системе командования, командовали хоругвями (ротами) по 100-200 человек, которые сами же и набирали (вербовали). Их заместителями являлись поручики, - они исправляли основные повседневные обязанности по командованию ротой. Хорунжие (знаменосцы), являвшиеся кандидатами на офицерский чин, также исполняли офицерские обязанности, их помощниками были подхорунжие.

В бою ротмистр и офицеры хоругви руководили своими взводами (капральствами) из 20-30 и более человек, в кавалерии иногда являвшихся их личными почтами. Наиболее заслуженным и опытным ротмистрам поручалось командование отрядами численностью до полка. Кунтер-офицерским званиям относились капралы в кавалерии и десятники в пехоте.

Воинские звания в Польше и Литве являлись временными, их носили на войне на период командования войсковыми единицами, - в отличие от званий государственных и придворных (например, великий хорунжий литовский.)

Полные имена некоторых представителей польско-литовской шляхты часто именуются с названием их герба, например: «Станислав Конецпольский герба Побуг». Почему? Дело в том, что после заключения Кревской унии Литвы с Польшей 1403 года литовских и русских бояр, в глазах поляков не имевших рыцарского звания и знака рыцарского рода- герба в их общеевропейском значении, решено было для причисления их к данному сословию «взять под гербы» рыцарей польских, что и было оформлено в 1411 году соответствующими церемониями в церквях.

Представители местной власти — воеводы (губернаторы) и каштеляны (военные и гражданские правители областей и коменданты крупнейших крепостей), и равный им по статусу староста жмудский руководили в своих воеводствах и областях набором посполитого ружения (шляхетского ополчения). Земские хорунжие осуществляли набор и командование на войну хоругвью ополчения своего повята (уезда).

Великие маршалки надворные коронные и литовские командовали гвардией. Великие хорунжие коронные и литовские были королевскими (гетманскими) знаменосцами, неся королевскую хоругвь рядом с монархом на коронациях и церемониях. Знатные носители этого придворного звания являлись, как правило, опытными заслуженными воинами и на войне предводительствовали полками и отрядами. Многие вельможные и знатные паны вели на войну свои частные хоругви, но играли в них скорее роль шефов, а фактически жолнежей набирали и командовали ими ротмистры,

Знаком власти офицера от гетмана до хорунжего была булава (пернач).

Хотя в коронном и литовском войсках не существовало института местничества, как в Московском государстве, и должности занимались в основном согласно опыту и заслугам, зачастую знатность и влияние, а также политические интриги принадлежность к той или иной партии определяли назначение полководцев. В результате этого определенные в стратеги сын великого гетман литовского Станислав Ян Сапега и сторонник короля, региментарь коронный, староста каменецкий Станислав Потоцкий выказали в реальных баталиях полную некомпетентность и понесли сокрушительные поражения. В то же время гетман Радзивилл, противник короля и к тому же кальвинист, был лишен финансовой и военной поддержки и в итоге отстранен от дел.

Большой вред наносило соперничество вождей (полковник Марцин Казановский был известен тем, что однажды на глазах войска сам гетман Ходкевич в гневе запустил в него своей булавой.) Причем враждовали не только полководцы, но и флотоводцы. В морской битве при Оливе шведский флагман был захвачен польским королевским флотом. Как только командующий адмирал голландец Дикман взшел на его капитанский мостик, с

другого польского галеона дали залп картечью, и адмирал был смертельно ранен. По этому поводу в адрес бывшего командующего и соперника Дикмана вице-адмирала Джека Мюррея высказывались серьезные обвинения, но виновных не искали, дело замяли, было объявлено, что стрелял шведский галеон, и Мюррей всего лишь ушел в отставку.

Следует отметить, что и в руководстве страны не было необходимого единства. Противники короля — могущественные магнаты гетман литовский Кшиштоф Радзивилл, князя Ежи и Кшиштоф Збаражские, воевода киевский Томаш Замоиский, воевода седлецкий Рафал Лещинский и другие выступали за детронизацию Сигизмунда, и он постоянно опасался нового «рокоша» («импичмента»), выносимого оппозиционной частью сейма и сената).

Военное искусство

Вооруженные силы Речи Посполитой были приспособлены для борьбы как с армиями восточного типа (Османская империя, Крымское ханство, в определенной мере Московское государство), так и западноевропейского типа (Швеция, Священная Римская империя, германские государства) и успешно с ними справлялись, не зная поражений практически полтора века.

Поляки и литовцы часто решали исход битвы одним решительным ударом тяжелой конницы, которая не нуждалась в численном превосходстве над врагом. Редко кто мог устоять перед отличной гусарией Речи Посполитой. Под Любешовом в 1577 году 2 тысячи поляков разгромили 12 тысячное войско Данцига, под Бычиной 6 тысяч поляков победили 6 тысяч имперцев, при Кутря де Аргеш 1,5 тысяч поляков победили 9 тысяч валахов, при Кирхгольме в 1605 году 3,6 тысяч литвинов практически уничтожили 11-тысячную шведскую армию, при Клушине в 1610 году 7 тысяч гусар и казаков обратили в бегство 35-тысячную усиленную иноземными наемниками московскую рать, в сражении при Хотине в 1621 году 650 жолнежей одержали верх над 10 тысячами турок и татар (!)

Стратегия была рассчитана на быстрые победы малыми силами. Длительного ведения войны не выдерживали военно-мобилизационная и финансово-налоговая системы государства, которое польский историк Радослав Сикора сравнил со спринтером, который хорошо бежит короткие дистанции, а на длинных — чувствует одышку. Не раз случалось, что после блестящих побед успех не реализовывался потому, что польско-литовская конница отказывалась воевать без денег, устраивала забастовочные «конфедерации» и разъезжалась домой или принималась грабить окрестности. Не раз для продолжения войны гетманам приходилось жертвовать своими средствами или прибегать к помощи друзей-магнатов.

Польские историки Томаш Бохун и Ярослав Кравчик отмечают: «Каждый старопольский военачальник в крови имел тягу к решающей схватке с численно превосходящим неприятелем. Это было мировоззрение боксера, который знал силу своего удара (атаки гусар) и свою особую слабость (нехватку денег) и стремился как можно быстрее нокаутировать противника...»

Практика и опыт имели большее значение, чем книжная теория, традиции дедов были важнее военно-научных трудов. Боевые действия регламентировались принятым в 1609 году уставом гетмана Станислава Жолкевского - «Артикулом, надлежащим к движению войска против неприятеля и ведения битвы» (принятым на основе гетманских артикулов Флориана Зебжидовского 1561 года, Яна Ходкевича 1564, Гжегожа Ходкевича 1566 года, Кшиштофа Мышковского 1577 года, Яна Замоиского 1580 и 1583 годов.) Но артикул не был учебником тактики, а скорее наставлением жолнежам о том, как поддерживать порядок в походе и в бою. Тактика и стратегия зависели от опыта и таланта проводившего кампанию и сражение полководца и были довольно просты. Командиры учились воевать на войне, военно-учебных заведений не существовало, а западная военная теория практически была неизвестна, правда, многие передовые представители шляхетства вступали в западноевропейские армии для получения военного образования и практического опыта современной войны.

При вторжении врага приграничные крепости, постоянные силы для охраны границ и партизанские действия конницы позволяли выиграть время для проведения набора войска военного времени из шляхты и реестровых казаков (компут), а в случае необходимости — и посполитого рушения (всеобщего ополчения), численность которого, учитывая население и ресурсы государства, могла достигать 50 тысяч человек (Хотинская кампания 1621 года).

При контраступлении или вторжении на вражескую территорию осаждались важнейшие крепости противника. В некоторых случаях крепости лишь блокировались небольшими силами конницы, не дававшей гарнизону выходить на заготовки и фуражировки и сообщаться с главными силами. В любом случае под стенами своих или чужих стратегических пунктов и торгово-экономических центров польско-литовское войско встречало неприятеля для генерального сражения. Иногда гетманы посылали противнику вызов на бой.

Не обращая внимания на численность врага - согласно девизу гетмана Ходкевича «сначала бить, считать потом», поляки и литвины стремились решительно таранить боевые порядки неприятеля тяжелой конницей, применяя фланговые охваты, окружая и уничтожая его живую силу. Часто, пользуясь необычайной выносливостью своих коней, гусарская и казацкая кавалерия вступала в бой после длительного марша.

В полевом сражении польско-литовское войско обычно эшелонировалось в три-четыре линии и состояло из отдельных отрядов («хуфов»), центра, правого и левого крыльев, по старопольской традиции - с массированием на левом фланге. Немногочисленная пехота становилась спереди в центре («на челе») или в интервалах между крыльями, с многочисленной же артиллерией в наскоросооруженных полевых редутах. Иногда (чаще всего в сражениях с татарами) укрепленный лагерь с линиями возов находился в центре, а не в стороне или сзади боевого порядка, чтобы обезопасить его от вражеской конницы.

Начинали битву легкоконные «гарцовники», стремясь разведкой боем определить силы и боевые возможности противника и по возможности спровоцировать его на атаку, выманив под удар тяжелой конницы. Часто для этой цели предпринималось ложное отступление. Применялись и другие военные хитрости — например, укрывали ударные хоругви гусар за лесом и холмами, уплотняли ряды, создавая у противника впечатление своей малочисленности, или же с помощью многочисленной обозной челяди изображали прибытие свежих резервов. Хорошо умели польские и литовские полководцы использовать выгоды местности, атакуя под гору, ставя противника в невыгодное положение, вынуждая его наступать через водные преграды, неудобья, топкие места, загонять отступающих в леса, реки и овраги, на тонкий лед и в болота.

Первая линия принимала на себя основную тяжесть битвы и натиска противника, вторая («вални хуф», атакующий отряд) поддерживала первую, вступала в решающий момент и опрокидывала врага, третья резервная линия развивала успех и вела преследование.

В полевом сражении частовсе решала одна атака гусар. В ином случае сопротивление противника ломалось последовательными волнами кавалерии (при Клушино гусары атаковали 7 раз!) Польско-литовская конница умела слаженно маневрировать на поле боя, разворачиваться под огнем на месте и вновь нападать с разных направлений. Управление в бою велось сигналами трубы и через конных ординарцев. Как правило, гетманы лично участвовали в сражении, порой в первых рядах.

После того, как враг был опрокинут, легкая кавалерия вела длительное преследование бегущих. Однако при переломе битвы устав требовал осмотрительности, осторожности и слаженности, запрещая разрозненные самочинные атаки, особенно в боях с татарами, часто практиковавшими ложное отступление. Кто в ходе боя бросался на добычу, того устав предписывал убивать на месте, так же поступали с беглецами, а в случае удачного бегства их предавали бесчестию («инфамии»). В свою очередь, когда бывала опрокинута сама польская кавалерия, остановить ее было чрезвычайно сложно.

Остальные рода войск играли в битве вспомогательную роль. Взаимодействие кавалерии с пехотой и немногочисленной артиллерией на поле боя не было налажено.

«Пехуров» с артиллерией применяли главным образом для обороны полевых редутов и штурма полевых укреплений противника, если их не могла взять конница. Пехота отставала и качественно, и количественно от шведской и вообще западноевропейской.

Сильной стороной была войсковая разведка отрядами и разъездами легкой конницы («загонщиков»). Слабой — дипломатическая и агентурная: о шведских вторжениях короли и гетманы обычно узнавали «постфактум».

Одной из форм военных действий была малая, «подъездная» партизанская война. В Пруссии и Лифляндии она стала единственным способом бороться с количественно и качественно превосходящим противником, не вступая с ним в полевое сражение. Для разорения его операционной базы, нарушения коммуникаций, террора и дезорганизации, нападения на мелкие группы шведских фуражиров посылались очень мобильные, не имевшие обозов отряды легкой конницы — казаки, «лисовчики», «загонщики», порой действовавших на двух-трех-четырех заводных конях. При вторжении сильных вражеских войск их блокировали и тревожили летучими отрядами, велась «скифская война», вокруг лагеря неприятеля и на пути его движения создавалась зона пустыни.

Все это обычно приводило к достижению победы и к миру или как минимум к перемирию на выгодных для Речи Посполитой условиях. Однако в войне 1626 — 1629 годов дело приняло невыгодный для Речи Посполитой оборот. Победы в первом генеральном сражении при Гневе добиться не удалось — шведская армия, реформированная Густавом Адольфом, стала слишком крепким орешком. Пехота ее вела необычайно частый огонь, хорошо умела взаимодействовать с кавалерией и артиллерией, быстро возводить полевые укрепления. Шведская ударная кавалерия постепенно перестала уступать польской. Будто поменявшись с ней местами, она действовала все более наступательно, инициативно и дерзко, а прославленная гусария терпела поражение за поражением.

У польской, а еще более у литовской армии, оказалось недостаточно обученной пехоты, артиллерии и инженерных средств для полевых сражений и взятия крепостей, недостаточно полководцев, офицеров и солдат, способных вести современную войну, которую предлагал противник, а у государства недостаточно денег, чтобы поддерживать штатную численность и дисциплину войска, которое постоянно уступало войску Густава Адольфа.

Не было сколь-нибудь значительных морских сил для обороны побережий, и противник, используя свой мощный флот, мог свободно высаживать десанты в любых пунктах Балтики. К тому же польский флот находился в руках гданьчан, которые использовали его фактически только в интересах защиты своей торговли.

Надо сказать, если поначалу полководцы Речи Посполитой пренебрежительно-недоверчиво относились к «нидерландским фортелям» своего противника, то в ходе войны по горькому опыту они все чаще старались изучать и перенимать шведские методы и приемы боя, больше внимания стали уделять полевой фортификации, инженерному делу, используя для этой цели даже спешенных конников. Резко увеличилось число наемной немецкой пехоты, обученной современной линейной тактике, и тяжелой кирасирской конницы.

Предыстория конфликта

Конфликт двух держав начался в Лифляндии, которая являлась совместным владением Великого Княжества Литовского и Королевства Польского (Короны Польской), после распада Ливонского Ордена аннексированной Речью Посполитой в соперничестве с Московским государством в 80-е годы XVI века. Тогда же Швецией была захвачена Эстляндия, а Данией — остров Эзель.

С начала века Лифляндия становится местом столкновения интересов Речи Посполитой и Швеции, театром длительной войны за балтийские порты и право на шведский трон. Это право король Польский и великий князь Литовский католик Сигизмунд III Ваза оспаривал у своего дяди, правителя, а затем короля Швеции протестанта герцога

Седерманландского, впоследствии короля Карла IX, а после его смерти в 1611 году — у его сына и своего кузена Густава II Адольфа Ваза.

Этот династический спор начался в 1598 году, когда Сигизмунд попытался, высадившись с польским войском в Швеции, вернуть себе престол, захваченный его дядей-правителем, поддерживаемым риксдагом, протестантским дворянством и городами, но потерпел поражение в битве у Стонгебру и вынужден был ретироваться в Польшу.

В 1600 году, когда Сигизмунд объявил спорную Эстляндию своим владением, герцог Карл вторгся с войском в Ливонию. В войне 1600-1611 годов немногочисленная, но непобедимая литовская кавалерия неоднократно одерживала победу над полчищами шведов, которые были наголову разбиты полковником Мацеєм Дембиньским в январе 1601 года под Венденом (Цесис, Киеса), великим гетманом литовским Радзивиллом «Перуном» (1547-1603) в июне 1601 года под Кокенгаузеном, польным гетманом литовским Ходкевичем в сентябре 1604 года под Вейссенштейном (Пайде) и Дерптом (Тарту). В 1605 году под Кирхгольмом (Саласпилс) в битве с 3 тысячами конников Ходкевича 14-тысячное войско Карла Седерманландского потеряло убитыми до 9 тысяч человек и бежало от Риги. В марте 1609 года, взяв важный порт Пернов (Парнава, Пярну), в победоносном морском сражении при Салисе (Салацгрива) году литвины Ходкевича использовали захваченные ими иностранные торговые суда. В сентябре того же года Ходкевич разбил Мансфельда при реке Аа (Гауя) и выбил его из Динамюнде (Даугавгрива).

20-летнее перемирие, заключенное после смерти короля Карла в 1611 году и оставлявшее Лифляндию за Речью Посполитой, было прервано в 1617 году, когда молодой король Густав Адольф взял Пернов. Затем прибыл из-под Смоленска польный гетман литовский Кшиштоф Радзивилл (1585-1640) с небольшим отрядом и нанес шведам ряд поражений. Но так как ни войск, ни денег у Речи Посполитой, связанной войной с Московским государством, не было, гетман принял шведские условия, и Пернов остался за ними.

В октябре 1620 года истек срок перемирия. Радзивилл был назначен командующим, но денег не получил, — пополнять войско ему было приказано за счет тощей литовской казны и лифляндских дворян, которые откровенно не хотели воевать. Тогда гетман набрал жолнежей на свои средства, но с ухудшением ситуации на Украине в связи с катастрофой под Цецорой король приказал отправить их против турок и татар. В войну с Швецией, несмотря на неоднократные предупреждения Радзивилла, Сигизмунд не верил, о продлении срока перемирия вовремя не позаботились,

В июле 1621 года Густав с 18-тысячным войском, которое перевезли морем 150 военных и торговых кораблей, осадил Ригу и в сентябре, пользуясь многократным перевесом в живой силе, артиллерии и кораблях флота, после трех штурмов вынудил к капитуляции богатый город и важнейший торговый порт, через который вывозился литовский хлеб. Стоявшие в Курляндии немногочисленные силы Радзивилла (3-4 тысячи) не смогли оказать Риге, гарнизон которой состоял всего из 300 солдат, никакой помощи.

Боевые действия перенеслись за Двину, Густав взял столицу вассального Польше герцогства Курляндского Митаву. Литвины начали против шведов партизанские действия («подъездную» войну) и в ноябре разбили конный отряд Коброна под Кроппенхофом (Кропимуйжа), в том числе и лейб-роту самого Густава. Зимой шведская экспедиционная армия потеряла более половины своего состава от голода, холода и болезней. В марте году Радзивилл осадил и в июне вынудил к капитуляции Митаву.

Густав Адольф, собрав летом новую армию, в июле 1622 года в шестикратно превосходящих силах пошел к Митаве, но встретил сильное сопротивление литвинов. Но так как ни Литва, ни Швеция были не в силах воевать, Радзивилл согласился на предложение Делагарди начать переговоры. Шведы предлагали вернуть и Ригу, и Пернов за окончательный отказ Сигизмунда от шведского престола, но польско-литовские комиссары на это не согласились. Литовские сенаторы на аналогичное обращение шведского сената также отказались заключить на этих условиях сепаратный мир.

1 (11) мая 1623 года Радзивиллом без согласия Сигизмунда было заключено годичное перемирие с Швецией, с условием, что если до 1 мая 1624 года военные действия не возобновятся, то перемирие продлевается еще на год. Это вызвало гнев короля, и он отказался ратифицировать договор. Наконец, решено было созвать съезд комиссаров обеих сторон, который должен был выработать условия мира, но переговоры опять были сорваны — Сигизмунд не признал титул короля шведского, и поэтому документы не могли быть подписаны, так как тем самым шведские комиссары не считались полномочными представителями своего государства. Удалось договориться лишь о продлении перемирия до июня 1624 года.

В вопросе о войне и мире польская или литовская магнатерия и шляхта разделились на два лагеря. Первый, куда входило большинство сенаторов, поддерживал короля Сигизмунда в его борьбе за шведский трон и возвращение Риги и Эстляндии. Вторым лагерем, который возглавлял фактический и потомственный хозяин княжества, польный гетман литовский Кшиштоф Радзивилл, выступал за мир с Швецией и отказ Сигизмунда от бесполезной борьбы за трон в Стокгольме. Причем мир мог быть заключен на весьма выгодных для Речи Посполитой условиях, — ведь послы Густава Адольфа сулили отдать за его право на престол все завоеванное в Ливонии.

Линию Радзивилла поддерживали часть магнатов и приграничная литовская шляхта, хозяйство которой разоряла война, а также буквально не слезавшее с боевых коней шляхетство Украины, встревоженное тем, что борьба со Швецией отвлекает силы от защиты южных рубежей от нашествий турок, набегов татар и восстаний казаков. Было также и неустойчивое «болото» примыкавшее к сильнейшему лагерю в зависимости от направления политических ветров.

На очередных сеймах благодаря активной деятельности Радзивилла и Кшиштофа Замойского сначала одерживала верх «партия мира» — перемирие в Лифляндии было продлено до 30 апреля, а затем до 30 июня 1625 года. Но преимущество сторонников мира не было таковым, чтобы склонить короля к его заключению. Войны теоретически можно было избежать, однако король Сигизмунд в своих корыстных и несбыточных династических притязаниях решил поступиться и безопасностью, и территорией государства. Прежде чем проиграть войну на полях битв, Речь Посполитая проиграла войну за столами переговоров.

В итоге дело приняло наихудший для нее оборот — после того, как встречи комиссаров ни к чему не привели, сразу после окончания перемирия Густав Адольф возобновил войну.

Боевые действия в Лифляндии

Войска ВКЛ были относительно невелики, — в течение данной войны их численность колебалась от 3 до 8 тысяч человек. Великое Княжество Литовское, включавшее территорию современной Литвы, Белоруссии и Смоленской и части Брянской областей России, в два раза уступало Польше по населению (3,5 млн против 6,5 млн жителей) и весьма значительно — по экономическим ресурсам.

В течение войны шведские войска численно превосходили литвинов в два-три раза, что не позволяло последним вести осады крепостей и захваты территорий, а лишь предпринимать набеговые действия. В то же время и шведы не рисковали углубляться на литовскую территорию, где они могли быть отрезаны от своих баз. Положение их было стабильным — шведы сидели в крепостях, а денег на войну у Густава Адольфа хватало — армию он содержал на пошлины, взимаемые в балтийских портах от экспорта литовского хлеба, в то время как самой литовской армии постоянно платить было нечем.

Силы шведского короля, двигавшиеся летом 1625 года из Риги на восток, и силы Делагарди и Горна, двигавшиеся из Ревеля и Нарвы на юг (до 20 тысяч пехоты и кавалерии), довольно быстро заняли Лифляндию с ее важнейшими крепостями, а затем перешли Двину и вторглись в пределы вассальной Курляндии и Литвы.

Война застала и Литву, и вообще Речь Посполитую совершенно к ней не готовой.

Постоянные литовские войска мирного времени (1 000 литовских гусар, 400 немецких и лифляндских рейтар, 1 000 казаков и 600 немецких и шотландских пехотинцев), не дерзали вступать в полевое сражение с вымуштрованной шведской армией, а ливонское рыцарство, как и в прошлую войну, в основном взяло сторону единовѣрных захватчиков.

С началом войны стране какникогда потребовалась консолидация всех политических сил, однако внутривполитические распри лишь усугубились. И виной тому опять стал король.

С 1621 года, после смерти Яна Кароля Ходкевича пост великого гетмана литовского был вакантным. Литовская магнатерия и шляхта обоснованно надеялись, что главнокомандующим — великим гетманом литовским, по праву станет наиболее авторитетный и многоопытный польный гетман литовский князь Кшиштоф Радзивилл, сын и наследник Кшиштофа Радзивилла «Перуна». Его кандидатура всем казалась бесспорной и безальтернативной, к тому же по многолетней традиции булаву великого гетмана литовского всегда принимал польный гетман, его заместитель. Однако с началом войны 17 июля 1625 года король Сигизмунд неожиданно утвердил на пост главнокомандующего не своего политического противника «кальвина» князя Радзивилла, а своего сторонника, 70-летнего великого канцлера литовского Льва Сапегу,

Худший выбор трудно было себе представить. Этот видный государственный деятель, дипломат, законодатель и ученый муж не обладал способностями полководца и не имел значительного военного опыта. Но и это еще не беда — престарелый, плохо держащийся в седле Лев Сапега, не способный руководить войсками на поле боя, назначил командующим отдельным корпусом в Курляндии своего старшего сына и наследника, 36-летнего великого маршалка литовского Станислава-Яна Сапегу — тоже далеко не Цезаря.

Сигизмунд в мстительном стремлении ослабить влияние польного гетмана дошел до того, что отказал Радзивиллу в финансовой поддержке для набора войска, а когда он попытался набрать его за свои личные средства, король повелел... распустить литовских жолнежей по причине отсутствия на то своего королевского патента — «листов пшиповедных».

Эти действия короля Польского и великого князя Литовского, Жмудского и Русского, очень напоминающие государственную измену, имели пагубные последствия. В ходе лифляндско-курляндского блицкрига Густав вместе с Делагарди и Горном быстро взял Вейсенштейн, Пернов, Дерпт, Венден, Кокенгузен, шведский король едва не ворвался в Динабург (Двинск, Даугавпилс). 27 августа пали литовские Биржи (Биржай), родовое гнездо Радзивиллов, которое не смогли защитить наспех согнанные крестьяне, а через месяц — Митава.

Однако далее в Литву шведы не пошли, удерживая крепости и терпеливо вынуждая противника к миру, а литвины занялись «войной подъяздовой». Правда, в ходе партизанских действий по разорению операционной базы противника страдали более не запершиеся за высокими замковыми стенами шведы, а многострадальные латышские крестьяне. Край терзали чума, голод и воюющие стороны, жолнежи не получали денег, уезжали и бунтовали.

Под литовским Позволем в сентябре 1625 года две хоругви гусар Гонсевского перекололи и изрубили до последнего человека большой неприятельский отряд из гвардейских кирасир и отборных рейтар, единственный из которых сумел спастись и поведать о том королю. Затем в октябре Гонсевский потрепал и заставил отступить отряд Горна в сражении у Листенхофа в восточных Инфлянтах.

Так прошла осень, пришла зима. Литовская армия, усиленная до 8 тысяч человек, действовала на линии река Двина (Дина) — река Эвст (Айвиэкте) в трех разрозненных группировках, стоя в нескольких укрепленных лагерях — гетмана Радзивилла (Тукум и Бауск, западная Курляндия), Сапегу-младшего (Вальгоф, восточная Курляндия) и региментаря литовского, воеводы смоленского и старосты велижского Александра Корвина Гонсевского (Динабург, Восточные Инфлянты). Литвины несколькими ротами блокировали Бауск и Биржи и изредка делали набеги через Двину.

В войске все находились в ожидании заключения традиционного зимнего перемирия (о котором неофициально вели переговоры гетман Радзивилл и лифляндский генерал-губернатор Делгарди), обещающего отпустить домой и на зимние квартиры. В разоренном крае продолжалась чума, жолнежи голодали, месяцами ждали выплаты задерживаемого жолда, что также не способствовало сохранению боевого духа. Из-за самовольного отъезда и дезертирства армия не имела штатной численности.

Удачно выбрав время, Густав Адольф, скрытно собрал в Кокенгузене 5-тысячное отборное войско из 3 тысяч пехоты и 2 тысяч кавалерии, перешел Двину и на рассвете православного Рождества 7 января 1626 года внезапно атаковал 3,4-тысячный отряд Сапегимладшего, стоявший лагерем у курляндского замка Вальгоф - 700 гусар, 600 казаков, 500 немецких рейтар и драгун, 700 пятигорцев, 600 немецких мушкетеров, 300 литовских гайдуков (Как полагают польские исследователи, эти данные шведами приведены ошибочно, так как включают общую численность сил Радзивилла и Сапег в ноябре, до их разделения. В действительности у Сапег, по его докладу, не было более 1,5 тысяч человек.) Так или иначе, литвины были разбиты наголову. По шведским оценкам, на месте и в погоне пало от 700 до 1 200 человек, еще 200 попало в плен, а шведы якобы не потеряли ни одного человека убитыми (!) Густав захватил огромный обоз с провиантом и деблокировал Биржи и Бауск. Литовский полководец спасся чудом, получив тяжелое нервное расстройство. Стоявший в 35 километрах Радзивилл не успел оказать Сапеге помощи (как полагали некоторые, не оказал ее намеренно из-за враждебных отношений между ними.)

Вальгоф стал для литвинов ушатом холодной воды - их прославленная гусария впервые была побеждена в открытом поле и позорно бежала. Все поняли необходимость единства, по отношению к Радзивиллу король сменил гнев на милость и скрепя сердце предложил возглавить объединенное войско обоим гетманам. Однако в ответ на согласие гетман выставил условие: достижение мира путем переговоров (читай: заключения мира за счет прав польского короля на шведский трон.) За это Радзивилл был отстранен от военных дел в Инфлянтах, номинально армией продолжал командовать Лев Сапега, ставший великим гетманом литовским, но фактически на роль ведущего полководца выдвинулся региментарь Гонсевский.

В течение 1626 года в войне, прерывавшейся прекращениями боевых действий в марте - июне и октябре, произошел ряд частных боев с переменным успехом. При Бауске (февраль), Митаве (июль), Зельбурге (сентябрь) верх взяли литвины, а при Вендене (ноябрь) - шведы, что резко уронило авторитет Гонсевского.

С конца июня после высадки шведов в Пруссии Лифляндия стала второстепенным театром военных действий, несколько гусарских хоругвей было направлено на помощь армии в «Прусах». Денег от короля по-прежнему не поступало. К концу года военная и финансовая ситуация стала настолько тяжелой, что великий гетман литовский Лев Сапега без одобрения короля и сейма, опираясь на виленский сеймик вельмож-магнатов и группу литовских сенаторов, заключил сепаратное перемирие в Балдоне с 9 января по 1 июня 1627 года. В обмен за Лаудон шведы отдали литвинам Биржи и на словах пообещали вернуть также Митаву и Бауск. Выгодное для Литвы перемирие вызвало возмущение короля и польского войска. Правда, смягчило их гнев то, что половина литовской армии была направлена на помощь Польше. Однако и шведы смогли перебросить из Лифляндии в Пруссию несколько полков.

Ко времени окончания перемирия привести литовскую армию в порядок не удалось — сказывалось отсутствие вождя уровня Радзивилла. Сапега с Гонсевским заспорили за первоочередное право отъезда от войска домой, остаться пришлось второму, но и ему эта история не добавила популярности. Кроме двух поражений в частных боях при Зельбурге (август) и Балдоне (декабрь) в 1627 году литовской армии похвастаться было нечем.

Не было особых успехов и в 1628 году. Правда, литвины в январе разбили шведов при Трейдене, отвоевали Бауск и Зельбург, продолжая разорять несчастную Ливонию. Сапега и Гонсевский опять заспорили, кому уезжать, а кому оставаться. Жолнежи, не получавшие

денег, в массовом порядке отбывали домой, и армия сократилась до 3 тысяч человек, что сделало ведение активных боевых действий невозможным. Война была крайне непопулярна в Литве — шляхта считала ее всего лишь вредным для Речи Посполитой династическим спором своего короля.

В 1629 году на февральском сейме Радзивилл выступил с предложением набрать 23-тысячное коронное войско, присоединить к нему примерно такое же литовское, перенести центр войны в Лифляндию и Эстляндию и нанести противнику решительное поражение. Однако эта инициатива поддержки не нашла. Боевые действия практически замерли, что вновь позволило Делагарди и командующему Горну отправить королю Густаву в Пруссию два пехотных полка.

3 апреля, опять без согласования с королем, гетман Сапега заключил перемирие до 1 июня, продленное затем до 20 августа. Вскоре в Альтмарке было заключено 6-летнее перемирие со Швецией, по которому границы в Лифляндии пролегли по линии Двина — река Эвкст.

Боевые действия в Королевской Пруссии

25 июня 7-тысячное войско Густава Адольфа при поддержке огромного флота совершенно неожиданно высадилось в Пиллау, в главном порту вассальной Польше Герцогской (Бранденбургской) Пруссии. Электор Прусский и курфюрст Бранденбургский, будучи крайне слаб в военном отношении, к тому же тайно держащий сторону своего зятя Густава Адольфа, объявил нейтралитет,

Затем шведы по Фришской косе и берегу залива Фришес-Хафф двинулись в Польскую (Королевскую) Пруссию. Практически без сопротивления за две недели были заняты два десятка богатых городов в дельте Вислы (Гросс-Вердер, Велька Жулава), в том числе такие важные порты, как Эльбинг (Эльблонг), военно-морская база с верфью и арсеналом Путциг (Пущк), бывшая орденская столица Мариенбург (Мальборк) с крупнейшим в стране арсеналом, Данцигер-Гаупт (Глова Гданьска), Диршау (Тчев), Меве (Гнев), блокирован 64-тысячный город, торговый порт и военно-морская база Данциг (Гданьск) и прервана жизненно важная для Польши вислинская торговля. Немецкие солдаты польской короны не желали воевать, протестантское население открывало единоверным шведам ворота городов, где они принялись укрепляться в ожидании польского контрнаступления.

Густав Адольф ударил по самой слабозащищенной и в то же время важнейшей, наиболее экономически развитой части Речи Посполитой. Ее потерю можно было бы сравнить с потерей Испанией Нидерландов (Пруссию именовали польской Голландией, а Данциг — Амстердамом на Висле)

При этом никакого конкретного плана обороны у польского руководства не оказалось. Силы короля Сигизмунда собирались для отпора в Грауденце (Грудзендз) крайне медленно, до двух с половиной месяцев, и к началу сентября достигли 15 тысяч человек, из них около 10 тысяч конницы и до 5 тысяч пехоты и драгун.

Номинальным командующим считался король, но из-за его военной некомпетентности руководили, споря меж собой, его воеводы, и единого командования практически не было.

В начале сентября польское войско осадило крепость Меве (Гнев), и король Густав Адольф выступил в поход с целью ее деблокады. В серии боев у стен крепости 12, 19 и 21 сентября, находясь в крайне неблагоприятных условиях, на дамбах между занятыми поляками высотами и рекой, шведы, нарастив силы до 10 тысяч пехоты и 4 тысяч кавалерии, успешно отбили необычайно частым огнем и контратаками рейтар многократные штурмы превосходящей польской конницы и пехоты. Взяв высоты и перейдя в наступление, под угрозой обхода Густав Адольф заставил Сигизмунда отойти от Меве левым берегом Вислы на север, к Диршау, для прикрытия Данцига. Туда же, на правый берег Вислы, вскоре отошли и шведы.

В октябре 1626 года, через три месяца после начала войны, квартовые войска под

предводительством польного гетмана коронного Станислава Конецпольского (до 6 тысяч человек) прибыли, наконец, на нижнюю Вислу, под Данцига Диршау. Король Сигизмунд передал командование Конецпольскому.

Осенью и зимой поляки успешно вели «малую войну» на шведских коммуникациях, обе стороны понесли большие потери от чумы и лишений. В декабре поляки взяли Вормдитт. В апреле 1627 года Конецпольский вынудил к почетной капитуляции гарнизон Пуцка. а шведский отряд из немецких наемников, пытавшийся пройти из Померании за Вислу на соединение с войсками Врангеля, был окружен гетманом под Хаммерштейном (Чарне) и капитулировал.

Постепенно шведы перестали опасаться польской конницы так, как поляки боялись шведской пехоты. К тому же король и его полководцы уяснили, что поляки в генеральном сражении плохо умеют организовывать взаимодействие родов войск и управление боем, их дальние конные рейды наносят вред главным образом прусским крестьянам и мещанам, а не укрытым в крепостях войскам, а шведо-финская рейтары и наемные немецкие кирасиры уже не уступают в полевом бою польским гусарам и казакам.

В июле отряд Густава Адольфа без сопротивления пленил под Морунгеном вспомогательный корпус, посланный электором Пруссим на помощь Конецпольскому (возможно, имела место намеренная сдача в результате предварительного сговора.) Шведы взяли Кеземарк в устье Вислы, откуда шел прямой путь на Данциг, которым король решил овладеть, но перед этим окончательно разделаться с поляками. В августе 1627 года в генеральном сражении при Диршау польская конница, которую отступлением выманили из лагеря через болотные гати, потерпела поражение от шведской кавалерии. На второй день стан Конецпольского подвергся бомбардировке, началась паника, поляки уже собирались отступать, но после ранения короля Густава Адольфа шведы отошли обратно к укреплениям Диршау.

В ноябре польская эскадра адмирала Дикмана нанесла поражение шведской эскадре адмирала Штерншельда при Оливе в Данцигской бухте, захватив флагманский галеон, другой галеон при abordage был взорван шкипером. Оба адмирала погибли в сражении. Блокада Данцига на краткое время была снята. Зимой военные действия практически прекратились.

В июне 1628 года король Густав небольшим отрядом предпринял рейд к военно-морской базе и крепости Латарния в устье Вислы и расстрелял из пушек эскадру польского королевского флота, потопив два и повредив несколько боевых кораблей. В августе, после окончания затяжного периода проливных дождей и наводнений 15-тысячная шведская армия предприняла поход на юг, у города и крепости Грауденц встретив 10-тысячную армию Конецпольского, стоящую на хорошо укрепленных позициях. Ни одна из сторон не решилась на битву, и в сентябре шведы двинулись на еще не разоренный восток, взяв Страсбург (Бродница). Отдельный отряд предпринял рейд к Варшаве. Вскоре шведы оказались в тесной блокаде польской кавалерии и в октябре, оставив в Страсбурге гарнизон, вынуждены были, терпя голод, лишения и набеги казаков, с большими потерями отходить на север из разоренных мест.

В феврале 9-тысячное войско фельдмаршала Врангеля предприняло дальний поход с целью оказания помощи осажденному гарнизону Страсбурга и наголову разбило у Гуржно 4-тысячное войско региментаря коронного Станислава Потоцкого. Деблокировав и усилив гарнизон Страсбурга, шведы предприняли поход к Торну (Торунь), но город оказался хорошо укреплен. Войско Врангеля вернулось восвояси, неся по пути большие потери от голода, холода и партизанских действий польской конницы.

С марта по май 1629 года было заключено перемирие, в ходе которого на нижнюю Вислу прибыли вспомогательные наемные войска Священной Римской империи фельдмаршала фон Арнима, присланные императором Фердинандом (с апреля по июнь прибыло до 11 тысяч). Соотношения между союзниками сразу стали напряженными, чем собрался воспользоваться Густав, замыслив разбить их поодиночке. Преодолев перед лицом общей опасности разногласия, Конецпольский и фон Арним объединились. Густав решил

отойти, но 17 июня союзники застигли его на марше и нанесли поражение порознь отходящему из Мариенвердера в Мариенбург шведскому войску в последовательном кавалерийском сражении у Тщяны (Хонигфельд), Стражево и Пулковице.

В июле — августе поляки и имперцы безуспешно пытались осаждать хорошо укрепленные шведами за три года Мариенбург, Штум и Монтауэр-Шпиц, и после больших потерь от голода и болезней отступили обратно. Стороны были окончательно изнурены войной и эпидемией чумы, которым не было видно конца.

29 сентября 1629 года при посредничестве великих держав, Франции, Англии и Голландии, заинтересованных во вступлении армии Густава Адольфа в войну в Германии, было заключено Альтмаркское перемирие, по которому за Швецией оставались Рига с Западной Лифляндией с границей по рекам Двина и Эвкста, а Митава возвращалась польскому вассалу герцогу Курляндскому, Польше возвращались Страсбург, Диршау, Гуттштадт, Вормдитт, Мельзак и Фрауэнбург, а польские балтийские порты Эльбинг, Браунсберг, Толькемит, главный порт Бранденбургской Пруссии Пиллау с крепостями Лохштедт и Фишхаузен, и порт Мемель оставались за Швецией. На время перемирия в секвестрованное управление электору Прусскому курфюрсту Бранденбургскому отдавались Мариенбург, Данцигер-Гаупт и Штум, в качестве гарантии возвращения шведами его портов. В случае, если Швеция не продлевала мира, города отходили курфюрсту.

По особому мирному договору Данцигом Швеция получала 3,5 % от его таможенных сборов, а Польша на время потеряла право иметь на Балтике военно-морской флот.

Численность армии в Королевской Пруссии в ходе войны

В августе-сентябре 1626 года на нижнюю Вислу, в Грауденц, прибыли 7 900 кавалеристов и пехотинцев королевского и «компутового» войска — до 1 970 гусар, 800 рейтар, 1 780 казаков, 1 400 польских и венгерских гайдуков, 1 950 немецких мушкетеров и драгун, 4 550 конницы и 3 350 пехоты и драгун, итого 7 900 человек.

Туда также прибыли 6 540 кавалеристов и пехотинцев «приватных» магнатских войск, в том числе 2 010 гусар, 3 270 казаков, 1 160 польских гайдуков, 100 немецких мушкетеров, 5 280 конницы и 1 260 пехоты, итого 6 530 человек.

В битве при Меве (Гнев) 12(22) сентября — 20 сентября (1 октября) 1626 года приняли участие 25 хоругвей гусар — до 4 000 коней, полк и две роты рейтар — около 800 коней, 38 казацких хоругвей — около 5 000 коней, драгунский полк — 400 коней, два полка и две роты иноземной пехоты — 1 750 человек, 15 рот польской и венгерской пехоты, - 2 600 человек, 1 000 кавалеристов и пехотинцев посполитого рушения.

Однако общая численность армии Сигизмунда III на нижней Висле, достигнув 15 тысяч человек, резко пошла на убыль. После отхода на нижнюю Вислу даже с прибытием войска Конецпольского и других пополнений в ней к концу ноября осталось только около 10,5 тысяч человек, из них две трети кавалерии. В конце ноября гетман Конецпольский имел под командованием 1 956 гусар, 658 рейтар,

2 728 казаков, 955 драгун, 2 164 немецких и 2 029 польских пехотинцев.

Столь резкое уменьшение произошло из-за ухода литовских хоругвей домой после заключения Великим Княжеством Литовским перемирия в Лифляндии, окончания срока службы жолнежей, отпуска домой и на зимние квартиры, самовольного отъезда, дезертирства и болезней.

В течение войны согласно решениям ежегодных созываемых сеймов, принимаемых в ожесточенных дискуссиях, набирались «компутовые» войска на очередную кампанию. Здесь следует отделить друг от друга три нетождественные цифры: принятый сеймом план, фактическое количество установленных ставок жалования и фактическое наличие жолнежей в строю за данный финансовый период,

По решению оруньского сейма в декабре 1626 года решено было содержать 20 тысяч войска в Пруссии, 10 тысяч на Украине и 3 тысячи на границе с Силезией и Венгрией.

Однако с декабря 1626 года до февраля 1627 года на поморском театре военных действий насчитывалось только 11 400 ставок «жолда» конницы и пехоты, в том числе 2 280 гусар, 3 550 казаков, 700 рейтар, 1 406 драгун, 2 284 иноземной пехоты, 1 200 польской пехоты, всего 6 530 конницы и 8 174 пехоты и драгун. В строю к началу кампании весной 1627 года находилось от 8 до 9 тысяч человек.

Кроме того, летом 1627 года армию пополнили 1 385 человек выбранецкой пехоты, а в августе — октябре того же года прибыло подкрепление от императора Священной Римской империи — до 3 тысяч наемной немецкой пехоты под командой герцога Адольфа Голштинского, не принимавшей в боях активного участия и вскоре отбывшей восвояси.

Согласно решению варшавского осеннего сейма в октябре — ноябре 1627 года предполагалось содержать в Пруссии 30 тысяч войска, а на Украине 12 тысяч. Однако с марта по декабрь удалось установить только от 12 730 до 14 800 ставок «жолда», в том числе для 2 380 гусар, 3 650 казаков, 700 рейтар, 1 432 драгун, от 2 794 до 4 942 иноземной и 1 800 польской пехоты, итого от 6 730 до 6 630 конницы и от 6 000 до 8 174 пехоты и драгун. Фактически же «стан» польского войска был гораздо меньше.

Варшавский чрезвычайный сейм в июне-июле 1628 года запланировал иметь в Пруссии не менее 20 тысяч войска. Однако удалось изыскать только 16 574 ставок «жолда» — для 2320 гусар, 1295 рейтар, 3 600 казаков, 7 495 немецкой пехоты и драгун, 1 900 польской пехоты. В феврале численность армии не превышала 6 тысяч, ею воспользовались шведы, разбив силы региментаря Потоцкого при Гуржно. К весне 1628 года численность армии в «Прусках» не превышала 8 тысяч, а в ноябре — 6 тысяч жолнежей.

Варшавский чрезвычайный сейм в январе-феврале 1629 года предложил для Пруссии 21 тысячу войска, кроме того, было дано согласие на наем вспомогательного имперского корпуса фельдмаршала фон Арнима — до 11 000 кавалерии и пехоты. Части корпуса прибывали в Пруссию с апреля по июль и насчитывали в разное время от 3 до 5 тысяч человек в связи с большими потерями от чумы и дезертирства. Остатки его ушли домой после выплаты жалованья польской стороной в октябре 1626 года, после заключения Альтмаркского перемирия.

В армии Конецпольского к началу февраля насчитывалось до 4-5 тысяч жолнежей, в сентябре 1629 года — около половины положенной численности.

Финансирование армии

В чем причина такого расхождения? Объясняется она как отъездом жолнежей, прежде всего почт кавалерии, на зимние квартиры и домой в период перемирий и затишья, так и постоянными задержками «жолда», массовым дезертирством неплатежей, тяжелых условий службы и эпидемии чумы. Виной тому были также злоупотребления и казнокрадство. Отпускаемые средства расхищались командирами на всех уровнях. Широко была распространена практика получения денег на «мертвых душ», присвоения «жолда» и поборов, что вынуждало жолнежей превращаться в мародеров и дезертиров.

Система, при которой вербованный солдат становился собственностью офицера-вербовщика, открывала широкий простор для злоупотреблений. Француз Антуан де Граммон писал о польской пехоте позднейшего периода 1663-1664 годов: «Так как не все офицеры получают свой оклад и плату от государства, а собирают ее со своих солдат, то солдаты получают из своих 36 ливров (злотых) лишь восемнадцать, капрал — тридцать шесть, сержант — пятьдесят, хорунжий — сто пятьдесят, лейтенант — двести двадцать, капитан — шестьсот, а также свои зимние квартиры. Полковники имеют всю судебную власть в своих полках и распоряжаются всеми своими подчиненными...»

В немецкой пехоте и польской кавалерии была принята система «слепых порций», когда численность рядовых в ротах была процентов на десять меньше, чем ставок жолда, и разница шла на жалованье офицерам. Это также открывало лазейку для лихоимцев.

А как полковники на деле распоряжаются своими подчиненными, писал историк

Шимон Старовольский в 1632 году: «Нигде полной численности рот не имеется, полный жолд на полки начальники себе берут, солдат из-под палки заставляют у хлопов добро забирать и себе нести. А кто про деньги помянет, того полковник расстрелять велит. И для того у нас в Польше драгунские и пехотные роты набрали, а ничего из шкатулки своей на снаряжение не дали. В прошлом году один такой шестьсот драгун набрал, а ни одного коня им не купил, всех коней у хлоповграбежом взяли...»

Сенатор князь Ежи Збаражский, посетивший армию в Пруссии с инспекционной поездкой летом 1627 года, негодовал: « Кто мне, старому, объяснит, почему мы большого войска в наличии как не видели, так и не видим? Мы как тот прогоревший шинкарь, что наливал в долг, под честное слово, на веру, -кому чарку, а кому и ведро... Войско в стане не соответствует положенной численности...Платим 17 тысячам, но столько здесь никогда не видели, даже половины нет, и сами жолнежи это признают...Немецкой пехоты в строю 900 человек, а на бумаге значатся 3 тысячи! Так что же это за пополнения поступали? Мне не показали ни одного ротмистра, что привел хотя бы хлопа, не говоря уж человека воинского...»

Длительные неплатежи действующей армии государствомпривели ее к кризису. Недовольная налогами шляхта на сеймах вставала на дыбы, и гетман, вместо руководства войсками постоянно выезжал на парламентские слушания, убеждая короля, сенаторов и депутатов в необходимости выплаты задолженности жолнежам под угрозой поражения. Сейм ввел налоги, но казначейство не сумело их собрать, и в апреле-мае 1628 года, в связисневыплатой большинству армии с 1 декабря 1626 года, то есть за пять кварталов (!), войска в мае образовали мятежную конфедерацию и предъявили свои требования гетману и правительству.

Деньги после ультиматума Конецпольского королю Сигизмунду сумели найти, однако комиссары правительства доставили Прусской армии «жолд» не за пять, а только за четыре квартала. Жолнежи выбрали делегатов, которые вступили в напряженные переговоры с гетманом Конецпольским. В итоге дебатов и уговоров стороны пришли к соглашению : ждать денег до августа, а дополнительно к ним правительство должно выплатить еще за квартал - на «амуницию». Однако осенью 1628 года проблема во весь рост встала вновь, и решить ее гетману удалось, только убедив войско простить долги за октябрь — декабрь и подкупив при этом кое-кого из командиров и их людей. Нередко бывало так, что в бой шли только те хоругви, что получили «пенензы», а те, кому их не дали, оставались в лагере.

Весной 1629 года ситуация повторилась — только еще и в отношении наемных имперцев. Лишь выплата им денег накануне битвы под Тшцяной в июне 1629 годва заставила их выступить в поход, что и определило победу польско-имперского оружия. Войскам Арнима с большим трудом удалось вернуть весь «жолд» только в октябре, после перемирия, а коронным войскам его так и не удалось выплатить полностью и вовремя, что привело к образованию в 1630 году новой конфедерации (впрочем, бывало и хуже — после Хотинской войны деньги войску выплачивали на протяжении двух лет!)

Жалованье армии всецело зависело от ежегодных сборов и повышений основных и дополнительных налогов, формировавших военный бюджет, - нарастающего поземельного («ланового») налога, налога на хозяйство («подымне»), на торговлю алкоголем («чопове с четвертым грошем») и на винные склады, пошлины на вывозимые товары, сбор с местных купцов и с восточных купцов без подданства, «прусскую дань» от вассального курфюрста Бранденбургского и т.д.

В 1628 году польский костел добровольно выплатил на святое дело обороны так называемую «донативу» или «субсидиум сингулярум» в 60 тысяч злотых (вместо 100 тысяч обещанных). В то же время православная церковь «греческого обряда» в отличие от католической, не была освобождена от податей и тем самым пополняла ими военный бюджет государства.

Большие суммы выплачивали и еврейские кагалы (общины) — на них был наложено «погловне жидовске» - ежегодно каждый еврей обкладывался налогом по злотому с

«головы»), и кагал нес за это круговую поруку. Евреи не несли воинской повинности, но порой своими средствами вносили в обороноспособность государства вклад больший, чем иные магнаты и епископы, отказавшиеся поддержать короля в войне за шведский трон. Так, например, в 1655 году, во время войны с Москвой и Хмельницким, виленские евреи снарядили и выставили целую казачью хоругвь (разумеется, прозванную «жидовской».)

Польские крестьяне королевских имений и владений духовенства близ театра военных действий должны были не только предоставлять войскам зимние квартиры, но и специальным натуральным налогом содержать жолнежей, главным образом в зимний период, когда война замирала и войска расходились на квартиры. Эта повинность называлась «хиберния» или «стация» (стоянка). Хотя за взятое сверх лимита ротмистры должны были платить, но эта повинность была для крестьян очень тяжела. Старовольский писал, что хлопам легче выплатить 12 ежегодных налогов и жить спокойно, чем давать жолнежам «стации» и подводы.

Всего на войну Речь Посполитая потратила за три года около 10 миллионов 400 тысяч злотых, что существенно подорвало ее бюджет (В Речи Посполитой злотые были условной расчетной единицей, в обращении ходили золотые дукаты, серебряные талеры и гроши.)

Но значительная часть этих собранных главным образом потом и кровью народа средств «ушла в песок» или была использована неэффективно и нерационально. Войска, способного противостоять противнику на равных, собрать не удалось. Не удалось ни выбить шведов из устья Вислы, ни нанести им решающего поражения. Основные действия войск состояли или в нерешительном сдерживании неприятеля, иногда - взятии второстепенных крепостей, а главным образом — в неустанном разорении конницей операционной базы противника, то есть своей же земли.

Потери в сражениях, которые происходили один, много два раза в год, были невелики. Основной урон поляки понесли от эпидемий, лишений и дезертирства.

Состав и комплектование

Вооруженные силы Речи Посполитой того времени делились прежде всего на войска Короны Польской и Великого Княжества Литовского. Войска Короны - также и по организационно-правовой принадлежности: на постоянные квартовые, «суплементовые», то есть набранные дополнительно (компутовые), частные (магнатские), «ординацкие», самостоятельные местные (повятовые) и городские войска, реестровых и прочих наемных (заценжных) казаков, посполитое рушение и королевскую гвардию. Похожее деление было и в ВКЛ.

(Литовская и украинская шляхта была куда привычнее к войне, чем шляхтане знавших 300 лет иноземного вторжения западных и центральных воеводств Малой и Великой Польши.)

Кроме того, существовали войска польского «автораamenta» - то есть местной военной традиции (гусары, казаки, «лисовчики», польские рейтары и драгуны, литовские татары и пятигорцы, польские, литовские и венгерские гайдуки, избранцы), и иноземного «автораamenta» - западноевропейской традиции (немецкие кирасиры, аркебузиры, рейтары, драгуны, немецкая и шотландская пехота).

Гусары, а также казаки, «лисовчики», литовские пятигорцы и отчасти рейтары польского «автораamenta» формировались по идущему от рыцарских времен «товарищескому» принципу. Ротмистр, получивший от короля или гетмана «лист пшиповедны» (патент на вербовку определенного количества жолнежей), в том округе или повяте, где вербовал свою хоругвь, обращался к шляхтичам, известным хорошей боевой репутацией. Те, которых устраивали условия службы, требования артикулови «жолд» (у гусар и рейтар 50 злотых, у казаков 40 злотых на коня в квартал), заключали с ротмистром договор, где перечислялись права и обязанности сторон, и вступали в хоругвь товарищами. Товарищи сами собирали на войну себя и свой определенный договором «почт» (список)

из «почтовых», «пахоликов» (в переводе с польского «слуга», «оруженосец»), рыцарское копье. Обычно в нем было 2-3, много до 10 полностью вооруженных всадников на строевых конях. Сами ротмистры, их заместители-поручики и хорунжие вели свои почты, обычно гораздо большие по составу. Вступали в хоругвь и поодиночке.

В почт брали опытных воинов, тех, на кого можно было положиться в бою и от кого часто зависела жизнь товарища. В бою хорошо вооруженные товарищи составляли первые шеренги, почтовые — вторые. Почты набирали из боевых челядников, дворовых, реже соседских неимущих «загоновых», «застяжковых» шляхтичей, кормившихся с панского стола и державших его сторону на сеймиках и в междоусобных распрях, а также наемников, вольных казаков.

Зачастую в одном почте шли на войну отец с сыновьями, братья и другие родственники. Нередко попадались холопы, росшие с паном с детства и не покидавшие его до могилы, иногда его молочные братья или даже братья по пану-отцу крестьянок, которые были, как правило, лично преданы своему господину-товарищу. В мирное время они выполняли обязанности телохранителей, сборщиков податей, доезжачих, псарей и порученцев пана (вспомним Сороку, слугу и боевого челядника хорунжего оршанского Анджея Кмитица в романе Генрика Сенкевича.)

Товарищ сам получал жолд на тех, кого привел и далее их содержал сам и сам за них отвечал. Кроме почтовых, он брал с собой и содержал обозную челядь, необходимую - для управления возами, ухода за лошадьми, ведения бивачного хозяйства и сбора живности и трофеев. Порой численность обозных «цуров» вдвое превышала численность товарищей и почтовых.

«Товарищество» позволяло обеспечивать более качественный состав войска, чем набор по вербовке, превращавшийся в доходное предприятие для вербовщиков, когда в ряды войска попадали порой негодные для военного дела люди.

Если говорить о иноземной вербованной кавалерии и пехоте, не слишком многочисленной, то причин ее найма было несколько. Перенаселенные Германия и Шотландия веками торговали своими солдатами в Европе, и солдаты эти были известны своими качествами. Но дело здесь не только в том, что иноземные наемники показывали лучшую по сравнению с поляками боеспособность.

Во-первых, иноземцам (в основном немцам) поручали нести сторожевую и пограничную службу, на что поляки не соглашались.

Во-вторых, зачастую они поддерживали лучшую дисциплину. При частой в те времена задержке «жолда» они, не будучи гражданами Речи Посполитой, не могли, как поляки, требовать своего через образование «конфедерации», не могли, как шляхтичи, вернуться в свои дома и имения, будучи скованы страхом утраты службы и жалованья, - основ своего существования в чужой стране.

Если воинская честь не позволяла перейти к противнику или дезертировать и стать мародером, в случае неплатежей им оставалось только терпеливо ждать. Француз Шарль Ожье, описывая армию Владислава в Королевской Пруссии в 1635 году, повествует: «Встретили мы тридцать французов из полка Дюплесси, которые проезжали через нашу деревню... Они нам поведали, что более двух лет не получали жалованья...»

В-третьих, немцы, шотландцы, французы, венгры, замкнутые в своей роте, чуждые местному населению, были послушным орудием в руках того короля, гетмана или магната, которому они служили (все монархи любят нанимать иноземных гвардейцев за преданность лично ему, а не новому Отечеству.)

В - четвертых, магнаты и шляхта с большим опасением относились к вооружению угнетенных ими «хлопов», предпочитая привлекать к делу обороны страны чужеземных наемников.

Национально-религиозный состав

Говоря о составе вооруженных сил Речи Посполитой, нельзя не отметить его необычайно пеструю многонациональность и многоконфессиональность.

Поляки, в подавляющем большинстве католики, в гораздо меньшей степени кальвинисты и в незначительной - ариане, составляли лишь 40 % населения государства. Столько же составляли русские (русины), то есть предки нынешних украинцев и белорусов, по вере православные и в гораздо меньшей степени — униаты (греко-католики). До 3 % составляли литвины-католики, предки современных литовцев, называемых тогда «жмудинами». Примерно по 5% - евреи иудейского закона и немцы, в большинстве протестанты «аугсбургского» исповедания, в меньшинстве католики, коренные жители Королевской Пруссии и западных воеводств Польши, а также колонисты.

В Белой Руси и Литве проживало значительное количество татар-мусульман, предков которых литовские князья в XV веке вывели из Крыма, и караимов- «крымчаков», также тюркоязычного народа, принадлежащего к иудейской секте, в Подолье и на Волыни — бежавшие из Московского государства черемисы (мари), по вере полуязычники — полухристиане, отчасти мусульмане, и потомки служилых черкесов, выходцев из Кабарды (пятигорцы), христиан греческого закона с сильными пережитками кавказских культов. Все они служили польским королям и великим князьям литовским.

Во Львове и Галиции жили занимающиеся торговлей небольшие общины армян-грегориан, в Королевской Пруссии были колонии голландцев-меннонитов. Пополняли ряды польско-литовского войска уроженцы вассальных государств — Герцогской (Бранденбургской) Пруссии и Курляндии, а также Лифляндии.

Кроме составлявших большинство немцев, немало было шотландцев, в основном пресвитериан. В войске можно было также встретить наемников-венгров, трансильванцев, валахов, ирландцев, англичан, французов, итальянцев, испанцев и др.

Речь Посполитая, несмотря на нарастающие гонения официального католицизма на православие, насильственное обращение русских в унию, полонизацию и вытеснение русского языка (который в Великом Княжестве Литовском до середины XVII века являлся официальным), по сравнению с соседями была довольно толерантным в национально-религиозном отношении государством. Это отражалось и на войске, где не только рядовые, но и офицеры одной хоругви могли принадлежать к разным вероисповеданиям (хотя, конечно, для лучшего управления и взаимопонимания части старались составлять по одному национально-религиозному принципу).

Сам король Польский, великий князь Литовский, Русский, Прусский, Мазовецкий и Самогитский Сигизмунд III Ваза, сын шведского короля Эрика XIV и польской королевны Катаржины Ягеллонки, по вере был католиком, в отличие от его священного врага и двоюродного брата короля Швеции протестанта Густава Адольфа. Отечественное древнее православие придерживались тогда многие магнаты, например, богатейшие князья Острожские и Вишневецкие. Канцлер литовский, а затем великий гетман литовский Лев Сапега менял веру дважды — при рождении он был крещен в православии, в отрочестве стал с родителями кальвинистом, а в зрелые годы обратился в католичество. Гетман польный литовский Кшиштоф Радзивилл, сын великого гетмана литовского Кшиштофа Радзивилла «Перуна», был, как и отец, кальвинистом.

С ним связан следующий исторический анекдот. В одном из сражений Смоленской войны гетман, обращаясь к гусарскому хорунжему, держащему знамя, на котором был вышит образ Пресвятой Девы Марии, небесной покровительницы польского воинства, позволил себе пошутить: «Ну и хорошо ли твоя паненка танцует?» Оскорбленный за Богоматерь хорунжий крикнул своим гусарам: «Ребята! А ну покажем этому «кальвину», как наша паненка танцует!» Вся рота, издав клич: «Езус, Мария!» поскакала под знаменем в атаку и победила в стычке. Вернувшись в строй, хорунжий гордо бросил сконфуженному гетману: «Вот так вот наша паненка танцует!»

В течение войны между поляками-католиками и русинами-православными не происходило серьезных конфликтов на национально-религиозной почве. Сложнее обстояли

отношения польских жолнежей с немцами, учитывая многовековую вражду двух соседних народов и то, что северные немцы были в основном протестантами.

По всем вышеперечисленным причинам трудно было бы воодушевлять войска необходимостью защиты веры, поскольку в нем насчитывались представители почти десяти конфессий.

Квартовое войско

Небольшие коронные квартовые («кварцяные») войска численностью на 1626 год 4,7 тысяч человек были постоянными наемными войсками мирного времени, находились под началом польного гетмана коронного Станислава Конецпольского и набирались на четвертую часть доходов от королевских имений («кварти»). В начале войны они стояли на Южной Украине для защиты от вторжений крымских татар и подавления возможных очередных возмущений Запорожской Сечи. Именно эти причины и задержали их своевременное прибытие на театр военных действий.

Компудовые войска

Дополнительные («суплементовые»), «компудовые», от латинского слова «компут» (число), - наемные войска военного времени. Они набирались с началом войны по решению сейма, который определял потребную их численность и величину ставок поквартальной платы, «жолда» (от искаженного итальянского слова «солдо», мелкая монета, от него же произошел термин «жолнеж», солдат.) Жолд определялся для каждого рода войск за счет военного бюджета, формируемого от поступления новых налогов, выплат и сборов. Плановый «компуд» Польши определялся до 22 тысяч человек, Литвы — до 8 тысяч. На эти формирования и пришлось вся основная тяжесть войны. Жолд у них был выше, чем у «кварцяных», так как товарищам конницы требовалось быстро собрать, вооружить и посадить на коней положенные почты своих боевых челядников - «почтовых» («пахоликов».) «Суплементовое» войско также, как «квартовое», подчинялось польному гетману и гетманским уставам.

Войска магнатские и ординации

Войска магнатские, или «приватные», были частными войсками магнатов и состояли как из наемников, польских и иноземных («заценжных»), так и из посаженных на магнатской земле казаков или «хлопов», обязанных за это военной службой, а также шляхетского ополчения («посполитого рушения»), созданного во владениях магната. Зачастую военные силы магнатов, которые в мирное время они использовали для междоусобицы удержания крестьян в повиновении, превышали даже квартовое войско. В 1646 году князь Станислав Острожский-Заславский имел армию в 8 000 конных и пеших жолнежей с артиллерией, перед которыми не могли идти в сравнение ни квартовое войско, ни королевская гвардия. Что неудивительно: его отец, князь Януш Острожский, умирая, оставил наследникам 80 городов, 2 760 сел, 600 тысяч злотых, 400 тысяч талеров и много иной монеты, 30 бочек серебряного лома, 700 ездовых, 6 000 рабочих лошадей и огромный стабильный доход, которому могли бы позавидовать многие немецкие княжества. Магнат Кшиштоф Оссолинский на сооружение своего окруженного бастионами замка Кшиштополь израсходовал с 1621 по 1644 год 30 миллионов злотых! Восклицательный знак здесь уместен, ибо войны, которые вела в этот период Речь Посполитая, обошлись ей немногим больше.

Кто из магнатов показал себя с началом войны наибольшим патриотом? Наибольшим показал себя баснословно богатый воевода киевский Томаш Замойский, выставивший аж две

казачьих, польскую и немецкую пешие хоругви. Прочие «олигархи» - и того меньше...

Имели свои частные войска и некоторые князья католической церкви, обладавшие огромными доходами с церковной десятины и обширных земельных владений. Впрочем, никто из них тоже не вывел в поле многотысячных ратей, а тех, кто снарядил хотя бы хоругвь, было раз-два и обчелся. Так, епископ куявский Анджей Липский снарядил одну казачью и одну пешую польскую роту, 50 пехотинцев - епископ хелминьский.

В то же время в 1632 году, через три года после войны, епископ плоцкий Станислав Любиньский выехал на выборы нового короля во главе отряда из 1 000 драгун и 2 000 пехотинцев (в столицу тогда стекались целые реки магнатских войск и отрядов вооруженных шляхтичей, просто какое-то «посполитое рушение» избирателей с саблями, а бурные выборы монарха-президента напоминали не то революцию, не то маленькую гражданскую войну.) Можно смело предположить: если бы его преосвященство и другие светские и духовные магнаты бросили эти силы не на предвыборную кампанию, а в битву при Гневе, неизвестно, чьей бы тогда была корона Швеции.

Немногочисленные «войска ординацкие» набирались с земель магнатов, получивших королевский ордонанс - «привилей» на право выставлять на войну солдат взамен освобождения их владений от налогов. Эти жолнежи в основном обороняли укрепленные замки тех же магнатов (Замойского — 200 человек, Острожского — 600 человек), но часть их могла передаваться под команду гетману.

Реестровые казаки

Реестровые украинские казаки численностью к 1626 году до 6 000 человек, являвших собой своеобразный тип легкой кавалерии, были частью многочисленного казачества, вольных жителей южных окраин государства и области Запорожской Сечи, - фактически полунезависимого от Речи Посполитой войскового образования, постоянно поднимавшего мятежи против властей, самовольно воевавшего с татарами и турками, вступающего с ними в сношения и даже союзы против поляков.

Казаков со времен короля Стефана Батория принимали за жалованье на королевскую службу и включали в реестр (список), составленный выборными уважаемыми и влиятельными старшинами. Подчинялись эти «степные рыцари» непосредственно великому (польному) гетману и никому другому. Большинство из них становилось в строй только в случае военной тревоги. С Конецпольским в Пруссию ушла лишь часть реестровых войск, а остальные были пополнены и оставлены для охраны границ в армии на Украине.

Мобилизационный потенциал всех тех, кто в южных областях причислял себя к казакам, был очень велик — до 100-120 тысяч человек. Однако этот контингент нереестровых, так называемых «выписных» казаков, не был полностью использован по причинам как финансовым, так и политическим и военным - на то, чтобы поставить в строй такое количество буйной и неприученной к строю казацкой вольницы, к тому же нелояльно относящейся к властям и католической шляхте, не хватило бы ни денег, ни ресурсов, ни опытных командиров. В течение войны несколько тысяч реестровых и нереестровых казаков пополнили коронное, литовское, квартовое и компутовое войска, почты польских и литовских магнатов и шляхтичей и сыграли в боевых действиях немаловажную роль.

Общая численность казацкой легкой кавалерии в коронном войске в Пруссии колебалась от 4 до 5 тысяч всадников, в литовском войске в Лифляндии — от 1 000 до 2 000 всадников.

Местные войска

Самостоятельные, не подчинявшиеся непосредственно гетману войска провинциальные, - «повятовые» игородские («мейские»), финансировались и набирались

населенными в большинстве немцами, а в меньшинстве поляками и славянами-кашубами областями и богатыми самоуправляющимися торговыми городами принадлежавшей Польше Королевской Пруссии и Великопольши, находившимися в зоне боевых действий или примыкавшие к ним. Набирали их согласно королевскому указу, но после одобрения местных сеймиков и на местные средства.

Повяты воеводств хелминьского, поморского и пять великопольских повятов собрали и выслали в армию 1 200 конных и пеших жолнежей, большинство из которых приняли участие в битве при Гневе.

Город Данциг (Гданьск), являвшийся фактически государством в государстве и имевший право чеканки своей монеты, первоначально нанял для своей обороны от 4 до 5 тысяч немецких солдат под командой голландского полковника Лиземана, ученика Морица Оранского. Наемники занимались только этой задачей - привлечь их к взаимодействию с войсками гетмана так и не удалось. Кроме того, имелось до 6 тысяч городского ополчения и 1 500 городской стражи на стенах, а в случае осады 64-тысячного города в строй могло быть поставлено и дополнительные контингенты милиции. Видимо, в течение войны в связи с уменьшением угрозы численность войск экономный магистрат уменьшил: в начале 1629 года иностранные послы насчитали там всего 80 рейтар магистрата и 350 вербованных рейтар полковника Бема, а также 500 мушкетеров.

Попавший в шведскую сухопутную и морскую блокаду город, принимая во внимание поступавшие от него доходы в казну, фактически содержал также польский королевский военный флот, включавший от 10 до 25 боевых кораблей специальной постройки и конфискованных за провоз контрабанды и вооруженных иностранных торговых судов различных классов — галеонов, флейтов и пинков. Флот и судостроение находились в ведении двух королевских корабельных комиссаров, а непосредственное командование осуществляли назначенные им вице-адмиралы Аппельман, Дикман, Витте и надкапитан Фентросс (последние трое погибли в боях.)

В 1627 году Данциг потратил на военные цели более 1 миллиона 700 тысяч злотых, в то время как все Королевство Польское — только 1 миллион 400 тысяч. Завклад в дело обороны решением сейма Данциг был в 1628 году полностью освобожден от налогов.

Посполитое рушение

Посполитое рушение (всеобщее ополчение сословий государства, идущее корнями с XIII века) созывалось королем с одобрения сейма. Главным в ополчении было конное рыцарство. По древнему артикулу 1529 года века шляхтичи, имеющие за собой 700 служб (крестьянских дворов), вели на войну 100 конных и оружных человек, имеющие 400 служб — 50 и так далее, шляхтич, имеющий 8 служб, шел на войну один, снаряжаясь по возможностям. Отвечали за набор ополчения в воеводствах воеводы и каштеляны, коменданты важнейших крепостей с округой, в уездах и повятах — земские хорунжие (вспомним в этой связи Анджея Кмитица, хорунжего оршанского.)

В этой войне посполитое рушение созывалось только с «Прус Крулевских» и Великопольши (западные области) и оказалось невелико. От хелминского воеводства прибыло 309 конных от шляхты, 176 конных от солтысов, войтов и леманов (сельских старост), 30 конных и 95 пеших от городов, 150 пеших от епископства хелминьского и солтысов церковных владений; от мальборкского воеводства - 46 конных от шляхты, 64 конных от солтысов и леманов и 85 конных и 30 пеших от городов; от поморского воеводства 575 от шляхты, 328 от солтысов, войтов и леманов и 282 пеших от городов. Всего - 2 170 человек, 990 кавалеристов и 1180 пехотинцев.

На смотре в Грауденце в августе 1626 года общее состояние местных прусских и великопольских войск, особенно кавалерии, было признано неудовлетворительным.

Людской потенциал народного ополчения в стране, где шляхтичем, то есть воином, был каждый десятый житель, был необычайно велик, - до 150 тысяч человек, из них 100

тысяч в коронных землях и 50 тысяч в литовских, но посполитое рушение со всего государства в этой войне не созывалось.

Причины здесь не только в том, что созыв королем и сеймом посполитого рушения во всей Речи Посполитой всегда был явлением чрезвычайным. До того его созывали только в кризисном 1621 году, когда Украину вторглись татары и турки, а шведы взяли Ригу, после того - в 1651 году, в критический момент восстания Богдана Хмельницкого, и в 1655 — 1660 годах, во время шведско-московско-казацкого «Потопа». При этом численность посполитого рушения доходила, по разным оценкам, до 100, 150 и даже 170 тысяч человек, но в реальных кампаниях и битвах (Берестечко, 1649) никогда не поднималась выше 40 тысяч.

Что случилось бы, если бы даже вполтину меньшие силы в дополнение к основным собрали на нижней Висле? Ответ может быть только один: голод, болезни, бунты массовое дезертирство из-за невозможности продовольственного и денежного содержания. И дисциплина, и боевая подготовка «посполитаков» были весьма низкими, и появление на разоренном театре военных действий еще и этой малообеспособной и плохо управляемой массы едоков ни к чему хорошему бы не привело. Сейму пришлось бы ассигновать на них средства, полученные от введения новых налогов, на которые в стране и за рубежом можно было бы нанять хороших жолнежей.

И тем не менее летом весьма кризисного для Польши 1628 года чрезвычайный июльский сейм одобрил созыв королем в ряде пограничных воеводств посполитого рушения. Но ограничилось оно несколькими сотнями выбранцев, несмотря на то, что осенью шведские разъезды рыскали под самой Варшавой.

Королевская гвардия

Гвардия (дворские хоругви) была личным войском короля и финансировалась из его личных доходов, при том, что в наборе гвардейцев иногда помощь оказывало и государство. Их численность доходила до 1 200 человек, при этом увеличению гвардии всячески препятствовали сейм и магнаты, опасавшиеся усиления королевской власти.

Состояла гвардия из 66 личных телохранителей, пеших драбантов-алебардистов, набиравшихся из швейцарцев (традиция пошла от польского короля Генриха Валуа), двух хоругвей гусар короля и королевича, составленных из сыновей придворных и магнатов, служивших скорее из чести, а не за деньги, сдоль испытанных в боях офицеров и товарищей, а также рейтарской немецкой хоругви полковника Отто Денхофа, состоявшей из лифляндцев, пруссаков и померанцев, четырех рот пешей венгерской гвардии («гайдуков») под командой ротмистров Войцеха Куропатвы, Мацея Зелиньского, Петра Смешиньского и Яноша Зако, немецкой коронной королевского ротмистра Миколая Юдицкого. Гусары и рейтары имели пышное убранство и красно-белые знамена с крестами и орлами, венгерские гайдуки носили красные и синие жупаны и имели красные знамена с белым Андреевским крестом.

(Вексиллография этой войны изучена мало, но известно, что в пехоте и в коннице имелись широкие полотнища около 2,5 на 3 метра, расписанные цветными прямыми и косыми крестами, полосами, латинскими девизами, изображениями птиц (чаще польских орлов), зверей, аллегорическими символами и религиозными картинами. На гусарских хоругвах часто изображалась Богородица — небесная покровительница польского рыцарства. Стоимость изготовления знамен была довольно велика — до 35 злотых.)

Непосредственно командовал гвардией маршалок надворный, ротами и хоругвями - королевские ротмистры (это почетное звание носили шефы-военачальники, фактически непосредственное управление было в руках поручиков.) Королевские знамена на коронациях, королевских похоронах, парадах и церемониях нес великий хорунжий коронный.

В мирное время гвардейцы охраняли особу короля и его семью, везде за ним следуя, в военное время сопровождали его на войну.

Польские исследователи подчеркивают парадный характер гвардейских конных хоругвей, сильно уступавших в боеспособности, скажем, испытанным в сражениях

вЛифляндии литовским гусарам или квартовой кавалериигетмана Конецпольского. Воевать гвардейцампришлось, правда, особой славы они не снискали. В неудачных для поляков битвах при Меве, Диршау и Гуржно приняли участие объединенная гусарская хоругвь короля Сигизмунда и королевича Владислава, дворские рейтарская рота и роты гайдуков и немцев. В сражении при Гуржно приняла участие также присланная вассалом Польши электором Прусским маркграфом (курфюрстом) Бранденбургским его гвардейская гусарская (кирасирская?) рота.

Гусария

Наиболее многочисленной и боеспособной частью польско-литовского войска была кавалерия, а наиболее многочисленной боеспособной ее частью была заимствованная в XVI веке из Венгрии тяжелая шляхетская гусарская конница (некоторые польские исследователи, например Радослав Сикора, относят ее по типу вооружения к средней).

Предназначалась она для проламывания боевых порядков неприятельской конницы и пехоты «шоковым» галопирующим копейным ударом. Долгое время она не имела себе равных в Европе, ее атаки не раз приносили победу оружию Речи Посполитой.

Одной из причин побед гусарии была ее тактика. Для атаки гусарская хоругвьстроилась в три и более шеренги, причем первую составляли наиболее опытные и хорошо вооруженные товарищи, а задние — их почтовые (пахолики), развивавшие первоначальный успех. Начиная атаку шагом, сберегая силы коней, гусары постепенно переходили на рысь, а при приближении к противнику - на галоп и метров за 60 — в карьер.

Стремясь уменьшить потери от вражеского огня, сначала они сближались сцелью в шеренгах с интервалами примерно в корпус лошади, затемвтораяшеренга постепенно занимала промежутки, уплотняя шеренгу«колени к колени». Это позволяло при атаке на строй пикинеров обрушиваться на противника в соотношении «один гусар на двух пикинеров» и даже «один гусар на одного пикинера», причем большая длина копья гусара позволяла ему поразить пикинера раньше. После первого удара в копья, которые в сшибке часто ломались, гусары переходили в ближний бой, пуская в ход висящие на правой руке на темляках кончары или сабли а также другое вооружение для ближнего боя, добиваясь преимущества за счет лучшегопо сравнению со шведскими рейтарами владения таковым.

При этом гусарская конница была довольно устойчива к массированному ружейному огню, - попасть по быстродвижущейся цели на расстоянии несколько десятков метров при значительном рассеивании пуль мушкетов того времени было довольно нелегко, к тому же от выстрелов спереди гусара защищал корпус лошади и в какой-то мере защитные доспехи. Мемуарист Ян Христомом Пасек описывает случай, когда по его хоругви дали залп сразу 3 тысячи московских стрельцов, но потери составили лишь одного товарища убитым, четырех пахоликов ранеными и убитого коня под самим Пасеком. По данным польского историка Ежи Теодорчика, при Гневе шведский пеший эскадрон шестью шеренгами дал по атакующей хоругви Замойского просто пулеметный темп мушкетного огня, - до 2 500 выстрелов плюс несколько залпов картечью из приданных пушек, но потери хоругви составили до 50 человек убитыми и ранеными, и это за весь бой.

(Следует заметить, что против этого «снаряда» шведы нашли свою «броню» - массированный огонь в сочетании с контратакамикавалерии,и полевые укрепления, Польские историки последний фактор считают решающим, с чем, конечно, можно спорить.)

Организована была гусария в хоругви (роты) численностью 100-200 коней, на поле боя объединялась в отряды (хуфы), близкие по численности к полкам.Оснащение, специально выезженные кони и содержание почтовых (чаще от 3 до 12 человек) и челяди (до 10 человек и более) даже с учетом казенного жолда обходились необычайно дорого. Стоимость только снаряжения доходила до 320 грамм серебра (40 злотых),а гусарского коня от 200 дукатов до 1 000-1500 дукатов, то естьот 1200 до 2 300-8 000 злотых, равных от 9 до

44-66 кг серебра. В гусарах служила наиболее состоятельная шляхта, они получали наивысший жолд — 50 злотых «на коня», то есть 7 дукатов, или 400 грамм серебра на всадника в квартал

Этот род войск требовал особой подготовки, воинского умения и боевого духа. Туда подбирались сильные, рослые, смелые шляхтичи, доказавшие право находиться в гусарских рядах отличным владением конем и оружием. Служба в гусарских хоругвях была очень престижной — офицеры других родов войск считали для себя почетным перевестись в них простыми товарищами.

Рыцарские навыки у шляхтичей воспитывались в потомстве, в семье, с отрочества, и оттачивались на учениях, тренировках, ристалищах, конных играх, турнирах, псовой парфорсной охоте и непосредственно в боевой практике. В эти времена поляки в Европе считались лучшими бойцами на копьях фехтовальщиками на саблях, а Польша - страной, разводившей несравненных коней.

Комплекс вооружения и оснащения гусара, сформировавшийся под сильным восточным, а вернее, венгерским и турецким влиянием, включал кольчугу с зеркалом или без, либо нагрудник или кирасу, шлем-шишак с перьевым плюмажем (наиболее популярен был венгерского типа «гельмет» с козырьком, наносником, ушами и назатыльником), наручи и набедренники, кольчужные или кожаные отделанные железом перчатки, подвешенный под коленом длинный палаш-кончар «исаблю» на боку, кинжал, булаву, клевец-надзьяк, пистолеты в ольстрах у седельной луки, иногда укороченный мушкет и лук с колчаном. Главным оружием гусара было особо изготовленное дорожное рыцарское копье длиной около 5,6 метров, полое до середины, с рукоятью с круглой отделанной медью «бульбой», с разноцветными прапорцами для каждой роты (хоругви). Высокие кожаные сапоги имели шпоры, польские - прибитые или немецкие - съемные. Седло употреблялось восточного типа, у богатых шляхтичей отделанное бархатом, с подхвостными ремнями для улучшения опоры всаднику при копейном ударе.

Богатые гусарские офицеры и товарищи поражали иноземцев восточной пышностью платья и убранства, собольими, куньими и бобровыми шапками, блестящими шлемами с роскошными плюмажами, отделанным золотом, серебром и драгоценными камнями оружием восточной работы.

Для своего украшения и устрашения противника гусарские всадники носили заимствованные у крымцев и турок «крылья» из орлиных перьев за плечами, на рамах, крепившихся к седлу или доспеху. Кроме декоративного значения, они имели и практическое — их шелест бесил вражеских лошадей, к тому же крыльями мешали татарам накинуть на всадника аркан. Плечи гусары украшали тигровыми, львиными, леопардовыми, барсовыми, рысьими, медвежьими и волчьими шкурами, подбитыми бархатом или шелком или просто цветными накидками. Помимо придания всадникам героического вида, звериные шкуры своим запахом также пугали неприятельских лошадей и кроме того, несколько гасили рубящие и колющие удары. Впрочем, многие исследователи полагают, что крылья и дорогие меха оснащением лишь дворянских, гетманских и элитных хоругвей, причем употребляемым чаще всего на парадах.

Польский военный писатель Юзеф Наронович-Наронский отмечал: «Хоругви гетманские, или княжат или знатных панов богатые и достаточные, в них рослые и сильные люди служат, а каждый товарищ ротмистра стоит... Товарищи друг другу достатком и порядком неравны, и ротмистр ротмистру тоже. Один, будучи богатым паном, имеет челяди с двора своего 100 человек, будто бы вторую хоругвь ведет, а другой, что ротмистром стал за дела и отвагу, с десятков людей при себе имеет.»

Снаряжение разных гусарских частей было далеко не одинаковым, в бедной Литве гораздо худшим, чем в богатой Польше. В 1621 году при наборе посполитого рушения польный гетман литовский Радзивилл отмечал, что «40 гусар и 100 казаков трокского повята приехали на таких конях, которыми только палубы возить», а «упитский повят прислал сто человек сборной дружины, гусарами окрещенной.» Он же приказал одной плохо оснащенной

гусарской хоругви платить жолд как казакам. В начале войны в Пруссии качество многих компутовых хоругвей оказалось довольно низким, так что магнатам пришлось вдвое поднять ставки жолда для привлечения в свои private войска хорошо оснащенных товарищей.

Рейтары

Этот род кавалерии, заимствованный из Германии, был в Речи Посполитой неоднороден и состоял из рейтарии польского и иноземного «автораментов». Последний соответствовал западной традиции караколирующих стрелков-всадников с соответствующим комплексом оснащения (шлем, кираса, шпага или меч, пара пистолетов, седло европейского типа, немецкое платье) Иноземные рейтары набирались «с под вольного бенбна», то есть под барабан вербовщика, или нанимались в Германии целыми готовыми и обстрелянными ротами во главе с их капитанами.

Рейтары польского «авторамента» имели изготовленный в Польше национальный комплекс вооружения, польских коней, сбрую и платье, напоминая гусар, только без копий. Кстати, рейтарский полк прославленного кавалерийского начальника Миколая Абрахамовича был обращен в таковой из гусарского — он просто отложил копьа и стал выступать «порейтарски» Набирались польские рейтары в основном по товарищескому принципу (включая и лифляндскую хоругвь Корфа) и имели тот же «жолд», что и гусары (50 злотых в квартал), что говорит о том, что они не были кавалерией низшего качества. В одном документе говорится о польском лагере: «...И в том порядке все хоругви гусарские, казацкие и рейтарские народа шляхетского стали.» Француз Шарль Ожье отмечал в Пруссии в 1635 году, что рейтары короля Владислава «все доспехами покрыты».

Применяли польские рейтары в основном атакующую тактику. В то же время немецкие рейтары польской службы в битве при Гуржно попытались караколировать против шведской пехоты и кирасир, что ни к чему хорошему не привело.

В течение войны штатная численность рейтар в коронной войске в Пруссии достигала 700-1200 человек, до половины от численности гусар. Там они были объединены в рейтарский полк Абрахамовича и отдельные роты. В литовской войске рейтар насчитывалось от 200 до 500 человек, они были объединены в полк Корфа.

Казацкая конница

Говоря о ней, следует иметь в виду не один, а два, если не три вида легкой конницы. При этом далеко не всегда «язда козацка» состояла из собственно казаков, сословия вольных воинственных обитателей Запорожской Сечи, Южной Украины пограничья Дикого Поля, так называемых «низовцев». Зачастую этот термин означал легкоконников, оснащенных и выступающих по-казацки, иногда в документах под ними подразумевали формирования из лисовчиков, пятигорцев, черемисов и литовских татар. Поэтому в этом вопросе есть много неясностей и путаницы (так, например, Радослав Сикора относит к казацкой коннице всех, кто не принадлежит к гусарам.)

Войско Запорожское как военная организация требует отдельного разговора. В этой войне со Швецией оно как таковое не принимало участия. Правда, в 1622 году представители Сечи предложили гетману Радзивиллу привести в Лифляндию 20 тысяч казаков, но это намерение не было осуществлено — скорее всего, потому, что денег на оплату труда жолнежей не было, казаки неминуемо начали бы разорять и так разоренный край. А подавлять их возмущения регулярным войском, уступавшим запорожцам в пять-шесть раз, было бы невозможно.

Польский историк Шимон Старовольский писал в 1628 году: «Легкая конница бывает двояка: которая имеет короткие копьа и кольчуги (панцири), называется черемисы, другая, которая имеет только огнестрельное оружие либо луки, либо и то, и другое, а защитного доспеха не имеет, называется казаки... Казаки же двояки: одни одеты в панцирь и шишак,

имеют два пистолета, мушкет, и саблю кривую. Другие казаки без доспехов, в одних только сукнах, имеют то же оружие.»

Шарль Ожьеписал: «Легкая конница, которая казаками называется...люди рослые, ловкие, в бляхи железные и в кольчуги одеты, носят мушкеты, а иные лук и колчан.»

С середины XVII века доспешные казаки именуются в источниках как «панцерные» - так их стали называть, чтобы отличить от мятежных казаков Хмельницкого.

Казаки имели своеобразный колоритный костюм с элементами украинской, польской, венгерской, турецкой и татарской традиций (на деталях которого мы останавливаться не будем) и оружие польско-венгерского или татарско-турецкого типа. Особенности экипировки казаков были папаха и бурка, кроме того, они были единственными конниками в польском войске, использовавшими в бою аркан. Шпор казаки не носили, пользуясь нагайкой.

Хорошие наездники и стрелки, привыкшие к конным стычкам, набеговым и разведывательным действиям в ходе непрерывных войн с крымскими татарами, имевшие необычайно выносливых и неприхотливых коней, обычно подольских или татарских, они прекрасно показали себя «подъездах» и дальних рейдах, были глазами и ушами армии.

Но казацкие хоругви были нестойки против даже меньшей числом сомкнутой шведской рейтарской и кирасирской кавалерии. Большинство значительных столкновений шведов с казаками в открытом поле заканчивались не в пользу последних (здесь так и хочется привести известную формулу Наполеона про результат столкновения египетских мамелюков и французских драгун в разном соотношении).

Обычной тактикой легкоконных казаков было «ударить и уйти», растекаясь перед сильным противником, проводя ложное отступление на татарский манер с последующим ударом по флангам и тылам растянувшейся и потерявшей строй неприятельской кавалерии.

Куда больше перспективы рубиться насмерть с вражескими латниками за шведский престол «Жигмонта» привлекали запорожцев военная добыча. Даже если не принимать во внимание жестокие военные обычаи того времени, в условиях, когда армии иногда не платили по полгода, добытое в грабительских «подъездах» было единственным средством существования. Именно казаки отличались в войске по части «шарпания». Причем редкий из них привозил добытое серебро домой, - по традиции его следовало промотать или проиграть.

Наилучший результат казаки показывали во взаимодействии с гусарами и кирасирами (как, например, при Тщяне), преследуя опрокинутого тяжелой кавалерией противника. Современники отмечают также стойкость спешенных казаков при обороне вагенбургов из составленных возов, полевых укреплений и крепостей (правда, примеров тому в войне 1625-1629 годов не было.)

В течение войны штатная численность казацкой конницы в Пруссии была установлена в 3 600 человек, на лифляндском театре она колебалась от 1 000 до 2000. Иногда, как правило, при больших сражениях, они могли объединяться во временные полки (Калиновского, Казановского, Чарнецкого.).

Лисовчики

Несколько особняком стоят от казаков так называемые «лисовчики», хотя в источниках часто с ними объединяются («казаки Лисовского») Эти вольные ватагинаемной легкой конницы получили в 1607 году свое прозвище по имени прежнего атамана, бывшего литовского гусарского ротмистра Александра Юзефа Лисовского, печально знаменитого на Руси предводителя разбойничьих рейдов «Смутного времени», и, как бы его назвали в XX веке, «политического авантюриста». В 1626 году в живых давно не было ни самого Лисовского, ни ветеранов его Московского похода, но дело их не пропало и прозвище закрепилось надолго, превратившись в название рода наемной легкой конницы. За счет притока искателей добычи и славных формирования увеличивались до 3-4 тысяч всадников в очередных войнах Речи Посполитой. После российской эпопеи они нанимались на службу и к польскому королю, и к австрийскому императору, прославившись в сражениях

Тридцатилетней войны. В рядах «лисовчиков» в Чехии побывал в свое время и Богдан Хмельницкий.

Состояли «лисовчики» в основном из казаков, а также из неимущей польской и литовской шляхты и их почт, лихих наездников, в рядах которых можно было встретить сорвиголов и авантюристов всех мастей, сословий и наций. Отряды «лисовчиков» формировались по товарищескому принципу, но, подобно разбойникам, сами выбирали себе атаманов и полковников. Челядь составляла отдельную хоругвь, также принимавшую участие в бою. В данной войне участвовали сначала два полка «лисовчиков», затем сведенных в полк Мочарского 400 всадников, всего — свыше 1000, что составляло до четверти всех казаков. Всю войну «лисовчиками» командовал полковник коронный Петр Мочарский.

«Лисовчики» не носили ни кольчуг, ни панцирей, ни шлемов. В 1620 году, после битвы при Белой Горе, их предводитель Ярош Клечковский на удивленный вопрос австрийского императора: «Где же ваши доспехи?» отвечал в рифму: «Железа не мамы, тылко у коня под ногамы, у себе пши боку, але жонсчей в ронку!» («зато крепче в руке».)

Их вооружение составляли сабля или палаш, пара пистолетов и мушкет, легкий круглый щит, иногда рогатина, аркан, часто лук со стрелами, которыми они, бывало, напоказ пронзали орлов в небе. Седла были такими маленькими, что прочие кавалеристы удивлялись, как «лисовчики» на них держатся. Вместо шпор, как и все казаки, они употребляли нагайки. Порой «лисовчики» щеголяли крыльями наподобие гусарских.

Не имели «лисовчики» и обозов, зато в походы и набегии шли по-татарски на своих низкорослых, но очень выносливых двух-трех заводных конях, на которые торочили добычу. Этот метод обеспечивал необычайную мобильность и недосыгаемость от преследования. Любые реки в любое время года они легко форсировали вплавь (в Германии один «лисовчик», ко всеобщему изумлению немцев, переплыл Рейн в нижнем течении, стоя на спине у коня.)

Имперские полководцы высоко ценили смелость и воинское искусство «лисовчиков», — были случаи, когда их, безбронных, ставили перед немецкой конницей пехотой для поддержки и придания бодрости.

«Лисовчикам» спето много дифирамбов. Но, говоря объективно, в этой войне их заслуги состоят главным образом в набеговой партизанской войне и разорении прусской территории, оккупированной шведами, обнаружению и блокаде наемного корпуса при Хаммерштейне, в создании зоны пустыни вокруг армии Густава при Страсбурге, а также в преследовании шведов при Тшщяне. Прекрасный инструмент «подъездовой войны», казаки и лисовчики сумели, действуя на узком плацдарме устья Вислы, и в Лифляндии, занятыми сидящей в крепостях 30-тысячной шведской армией, причинить ей существенный ущерб. Главной их жертвой стали все-таки прусские и ливонские крестьяне и мещане.

Пятигорцы

В 60-х годах XVI века выехали на службу польскому королю и поселились в Подолье пять кабардинских князей с семьями и узденями, по вере христиан греческого обряда, но фактически исповедовавших местные культы. К началу XVII века они обрусели или ополячились, дав свое имя роду легкой литовской шляхетской конницы.

Вооружение пятигорцев носило отпечаток восточного влияния, — они были оснащены легкими мисюрками или шишаками, тонкими кольчугами с зеркалами, небольшими круглыми щитами-тарчами, наручами, саблями, кинжалами, топориками, чеканами, клевцами, рогатинами или копьями, луками, парой пистолетов, пищалью. Именно от черкесов в Польше переняли газыри.

Какое именно количество пятигорцев приняло участие в войне с Швецией, сказать трудно, так как в документах о боевом составе их часто смешивали с казаками. Известно, что в битве при Кирхгольме (1605) участвовало 50 пятигорцев, в битве при Вальгофе (1626) — до 700 пятигорцев, видимо, внесли они свой вклад и в битву при Тшщяне (1629).

Черемисы

С 1527 года на Волыни и Подолье оказалось несколько тысяч волжских черемисов (мари), народа финно-угорского происхождения. История появления в Речи Посполитой черемисов, или каких звали на Украине, «чемерисов», заслуживает отдельного рассказа.

Московский царь и великий князь Василий III после завоевания марийских земель сослал значительное количество непокорных черемисов на пограничные степные «украинные» земли, откуда все они вскоре бежали в Литву и Польшу. Центром их поселений стал город Бар на Подолье. Численность черемисов пополнялась за счет дезертиров-соплеменников из московского войска и тех, кто спасался за литовский рубеж после подавления неоднократных восстаний.

Черемисские воины за земли, предоставленные им королем и великим князем литовским, во время войны служили в его войске. Правовое их положение было близко к татарам и казакам, в их традиции и сходным оружием они чаще всего и действовали, почему их часто и смешивали. Не случайно черемисы дали свое имя роду легкой конницы.

То же, кстати, произошло и с другими этнонимами, давшими имена родам войск, - с пятигорскими черкесами (вспомним казаков- «черкасов» Смутного времени и легкую литовскую конницу - «пятигорцев»), и с татарскими джигитами Литвы — «уланами», от которых произошла литовская, польская и русская уланская кавалерия.

Шимон Старовольский писал: «Черемисы оснащены панцирем (кольчугой) и тарчем (малым щитом), стрельбой длинной либо короткой, опоясаны кривой саблей, имеют копье длиной 4 локтя (2,4 метра), с правого боку привязанное, которым можно вблизи разить неприятеля...»

Так как многие из черемисов знали татарский, а некоторые марийские князья придерживались ислама, то иногда их ошибочно причисляли к татарам. В середине XVII века часть черемисов бежала в устье Дуная под власть турецкого султана, а во время последних польско-турецких войн того же века несколько тысяч черемисских воинов перешли на сторону турок и поселились в Османской империи и в Крыму, - на карте современной Турции можно встретить марийские топонимы. Не пропали черемисы и на Украине — по данным последней переписи, к этой национальности отнесли себя более 4 тысяч граждан.

Удивительно, но некоторые польские историки, как старые (Константы Горски) так и современные (Радослав Сикора), почему-то склонны отождествлять их с выходцами с Кавказа, видимо, не располагая сведениями об истории украинских марийцев.

Литовские татары

Образовался в Литве этот субэтнос в XIV — XV веках, когда литовские князья поселяли пленных татар и выходцев из Крыма на своих землях. Много татарских мурз и уланов выехали на службу Великому Княжеству Литовскому и после распада Золотой Орды.

Литовские татары- «липки», рассеянные по Белой и Черной Руси и Литве от Белостока до Орши и от Пинска до Вильно, селились своими родами вместе (роды юшунь, найман, джалаир, конграт, бахрин.) К концу XVI века татары утратили родной язык, перейдя на старобелорусский или польский, но сохранили религию и национальную общность. Де Граммон отмечает: «Они владеют свободными имениями, но не имеют ни ранга, ни голоса между шляхетством». Несмотря на определенное социальное неравенство, татарская верхушка со временем получила права шляхты и постепенно с ней слилась и окатоличилась (отец писателя Генрика Сенкевича был крещеным литовским татаринном.)

Начиная с битвы при Грюнвальде, татарская конница принимала участие во всех войнах Литвы и Речи Посполитой по 1812 год включительно. Оснащались татарские почты подобно прочим литовскими казацким легким хоругвям, не имея лишь кольчуг, но имея

некоторые ориентальные особенности (именно от татарских джигитов-улан гусары переняли орлиные заплечные крылья). Известно, что в Лифляндии в отряде Гонсевского действовала татарская хоругвь Абрахама Богдановича в 60 коней.

Польская пехота

Образована она была при короле Стефане Батории по примеру Венгрии первоначально из венгров и на венгерский манер, Де Граммон излагает: «Польские короли с давних времен употребляют этих людей как при дворе, так в походах, вследствие их испытанной верности.» В описываемое время в венгерских хоругвях служили и поляки, а к концу XVII века они окончательно «ополячились». Применяли венгры и поляки сходное оружие и приемы боя, так что правильнее было бы называть пехоту польско-венгерской, - разница была только в деталях национального платья.

Набирали пехотинцев по вербовке, причем венгры, эмигранты из турецких владений, а также трансильванцы и словаки приходили из-за Карпат как целыми ротами, зачастую со своими ротмистрами, так и поодиночке и группами. Офицеры, проводившие вербовку в Короне и Литве, получали от короля или великого гетмана «листы пшиповедны», которые вывешивали на площадях города, центра воеводства или повята. После этого вербовка становилась правомочной, и офицеры и унтер-офицеры расходились по городам и весям, объявляя ее условия под звуки барабана («с под вольного бенбна».) При этом самым лучшим «агитпунктом» являлся шинок. Особо ценились жители лесной Мазовии — курпы, привычные к ружейной охоте, и мещане украинских городов, которым часто приходилось со стен отстреливаться от татар. Польскую пехоту набирали иногда и по товарищескому принципу, когда товарищ приводил пеший почт.

Пехота составляла хоругви (роты) от 80-100 до 300 человек. Полковой организации, как в европейских армиях, не было из-за недостатка надлежащего штата офицеров — немецких командиров гайдуки понимали плохо, а польская и литовская шляхта пешей службы чуралась. Штат роты включал ротмистра, поручика, хорунжего, обозного (квартирмейстера и каптенармуса), писаря, цирюльника, 10-20 десятников, 1-2 барабанщиков, ротный обоз насчитывал 10-20 возов с возницами.

Пехотинцы (гайдуки) были вооружены аркебузами (пищальями, «рушницами») калибром 17 мм общей длиной 1,2 метра (Ежи Теодорчик полагает, что мушкетами с большим весом порохового заряда гайдуков долго не перевооружали из-за их неумения стрелять контрмаршами.) Бандольеров, в отличие от немецких мушкетеров, гайдуки не имели, так как со времен короля Батория польско-венгерская пехота оснащалась готовыми бумажными патронами в сумах-лядунках, получив их куда раньше, чем шведы, у которых они появились только в 1632 году. Из холодного оружия носили «гайдуцкие» сабли на португальском, десятники (капралы) - алебарды (дарды), ротмистры и поручики были вооружены пистолетами. Пиками польская пехота не вооружалась, так как считалось, что от вражеской кавалерии ее хорошо защищает своя. Некоторые «венгерские» роты оснащались носимыми на ремне бердышами, эффективным рубящим оружием, служащим также опорой для стрельбы из «рушницы».

От единой униформы польско-венгерская пехота была довольно далека (кроме элитных дворских и магнатских хоругвей), одеваясь в национальном «гайдуцком» стиле: шапка-«магерка», польская «рогатувка» или традиционная славянская с круглой меховой оторочкой и шлыком, крашеный или «дикого» серого цвета жупан, кафтан, ферязь или свитка с отложным воротником, пуговицами и петлями- «разговорами», у гвардейцев серебряными, кушак, камзол, суконный плащ- «носов» с остроконечным капюшоном, полотняные шаровары и рубахи, сапоги, реже кожаные или лыковые лапти с онучами. Кроме жолда, раз в год положено было сукно на платье («барвы») по 16 злотых на 3 человека. Все свое пехотинец носил в заплечном мешке.

Тактика польской пехоты была довольно своеобразной. В бою хоругвь из 100 гайдуков

строилась в 10 шеренг, а хоругвь из 200 образовывала два крыла. Первой вела огонь последняя, десятая шеренга, в то время как передние падали на колени или плашмя, затем, вставая, стреляли последующие шеренги до первой, в то время как задние заряжали, и процесс повторялся. Этот метод давал большую скорострельность, чем контрмарши, но меньшую, чем одновременная стрельба шестью шеренгами, принятая в шведской армии.

При вражеском залпе поляки быстро падали на землю, пытаясь уменьшить тем самым свои потери (этот прием не применяла пехота ни одной армии мира ни до, ни после.)

После стрельбы по противнику польские и венгерские гайдуки должны были бегом атаковать его с обнаженными саблями в руках, положив мушкетеры на плечо. Однако в данной войне этот прием дал результат только однажды — при Гневе, где польская пехота сумела сойтись врукопашную со шведами и в первый и последний раз показать свое преимущество в ближнем бою с неприятельскими пикинерами, длинное неповоротливое оружие которых перерубалось саблями и бердышами, и мушкетерами, которые вынуждены были отбиваться прикладами.

Более полководцы не посылали гайдуков в атаку ни бегом, ни шагом, - если стену шведской пехоты не могли пробить даже гусары, могла ли это сделать польская или другая «пехура»? Армии мира еще не имели на вооружении багинетов, позволявших пехотинцам эффективно драться в рукопашном бою и решать наступательные задачи штыковой атакой.

В течение войны польская пехота в Пруссии, включая ту, что была набрана из местных немцев и действовала по польским уставам, не превышала 3 000 человек, в Литве национальная пехота, если не считать даточных из крестьян - выбранцев, вообще была невелика.

В 1628 году впервые по западным уставам был образован полк польской пехоты Рейнгольда Розена в 1 000 солдат, что говорит о том, что предпочтение стало отдаваться более прогрессивному чужеземному «автораменту» с его тактическими принципами.

Однако набирать в пехоту «хлопов» и вообще создавать армию из народа в Речи Посполитой опасались. Известный автор проектов военных реформ сенатор князь Ежи Збаражский, принимая во внимание опыт войны, писал в 1629 году, что пехоту «нового строя» следует набирать из неимущей шляхты, для которой эта служба должна стать престижной:

«Нам нужно нанять четыре тысячи такой пехоты, для которой бы служба в честь была, тогда мы будем хорошую польскую пехоту иметь. Пока шляхтичи службу в пехоте презирают, из-за того пехоты доброй быть не может, так как плебеи не уважают чести и славы воинской, без которых гордиться житием нельзя, из рот бегут. И если бы полковники пехотные были людьми знатными, а пехота и конница меж собой в чести приравнены, служила бы в пехоте сила шляхетского народу, те, что сейчас в казацких ротах служат конно, мелкой шляхты, которая могла бы жолд иметь более, чем чужеземцам даем, - непонятно, почему свой народ за равный труд мы должны ниже ценить?»

Большую силу можно нанять с Подляшья, с Мазовше, из тамошней мелкой шляхты, что сейчас очень хорошо с пивом и горилкой сражается, найти людей сильных, стойких, проворных, привычных... и к пищалям, и к ручному оружию...»

Збаражский предложил нанять за границей несколько десятков капитанов или лейтенантов для обучения вербуемых в пехоту шляхтичей, с тем, чтобы поручиками (заместителями) у капитанов-иноземцев были поляки, перенимавшие их опыт: «Когда Речь Посполитая своих иметь будет, чужеземцев не потребуется...»

Однако разумный проект не был принят, - безлошадная, но гордая шляхта, не желающая опускаться до службы в пехоте, предпочитала воевать со спиртными напитками, и в войске упор по-прежнему делали на наем чужеземцев.

Чужеземная пехота

Численность пехоты, нанятой в германских государствах, в течение войны постоянно

росла. Это было связано как с необходимостью противостоять сильной шведской пехоте, так и вообще с повышением роли таковой в войне. Если в ее начале иноземцы составляли до 54 %, то к концу войны - 73%, а в Смоленскую войну 1632-1634 годов удельный вес иноземных пехотинцев достиг уже 86%.

Основную часть наемников составляли немцы, меньшинство шотландцы. В коронном войске был полк Астона в 500 мушкетеров, в литовском — рота Доноуэя в 100 мушкетеров. (Шотландцам, которые служили в личной гвардии литовских гетманов, для поселения даже отвели город Кейданы, запретив там селиться евреям, чтобы те не составляли им экономической конкуренции.) В армии в Пруссии был немецкий полк Денхофа численностью 600 — 1000 человек.

Чужеземных мушкетеров предпочитали вербовать за рубежом целыми ротами, со своими капитанами. Они служили и воевали вместе, отказываясь вливаться в польские и литовские части «из-за отсутствия там привычного им порядка». Однако происходил и обратный процесс. Де Граммон отмечает: «Мне остается теперь сказать только о немецкой пехоте, которую ввели в эту страну частые войны со Швецией. Поначалу эти полки должны были состоять целиком из немецких офицеров и солдат, но вследствие того, что местные жители весьма способны к военному делу и более выносливы и неутомимы, офицеры стали принимать их в свои отряды, и, так как они чрезвычайно храбры и ловки в обращении с мушкетами, то при случае пускают их в дело лучше, чем немцы.»

Воевали иностранные наемники по европейским тактическим принципам, но подчинялись гетманским артикулам. В бою стреляли контрмаршами, пехотные пики, как и поляки, применяли редко. Немецкие и шотландские мушкетеры были вооружены подобно европейской пехоте — мушкетом с бандольером и шпагой, одевались по-западноевропейски, шотландцы имели известные национальные особенности в своем платье (тартаны, береты, пледы и т.д.) Отмечены случаи и облачения немцев в польское.

Штат чужеземной пехотной роты обычно состоял из капитана, лейтенанта, знаменщика (прапорщика) и фурьера, 2 сержантов, 3 капралов, квартирмейстера, писаря, профоса, цирюльника (он же лекарь и хирург), 2 барабанщиков. Численность роты колебалась от 100 до 300 человек.

В целом чужеземная пехота показала себя довольно хорошо, особенно когда ей вовремя платили. В 1626-1629 годах жолд иностранным выходцам был вдвое больше, чем польским гайдукам — 30-36 злотых в квартал. Однако формирования из немцев-протестантов порой были ненадежны против своих соплеменников и единоверцев (у шведского короля по-немецки говорила половина войска.) Как и в ходе всей Тридцатилетней войны, нередко были переходы наемников к противнику и обратно.

Драгуны

Драгуны — ездящая пехота, род войск, заимствованный из Франции, относился к «чужеземному автораменту», но служили в них как западные наемники, так и жители Речи Посполитой. В драгуны вербовали крестьян и «убогую» шляхту, для которой эта служба конях была все-таки предпочтительней презренной пехоты, хотя была и куда ниже ранга обычной конницы (де Граммон пишет: «Драгуны во всем уравнены с пехотой, без всякого различия.») Драгунские роты имели штат пехотных. Жолд составлял 36 злотых в квартал, несколько выше иностранных мушкетеров, но ниже казаков.

Первая драгунская хоругвь численностью 120 коней появилась в литовском войске в 1616 году, затем драгун учредили и в коронном войске, где в войну 1626 -1629 годов были сформированы полки Юдицкого, Батлера, Джипси и Винтера (от 1 200 до 1 400 драгун, полки до 400- 500 человек, роты по 100-200 человек) В литовском войске численность драгун (в основном чужеземных) доходила до 500-700 человек.

Драгуны должны были передвигаться к месту боя конным порядком, и затем, оставив 30% людей в коноводах, действовать в пешем строю, ведя ружейный огонь в шеренгах

подобно мушкетерам. Обычно драгунские роты придавали пешим полкам. Действия в конном строю были весьма редки — ни соперничать с латной кавалерией противника, ни опрокинуть формации пехоты драгуны были не в силах. Слаб был и конский состав.

Вооружение составляли мушкет, сабля (шпага), пистолет и топор. Защитных доспехов драгуны (исключая, быть может, офицеров), не имели. В зависимости от того, состояли роты из поляков или чужеземцев, они носили польское или западноевропейское платье, сапоги выше колен.

Шарль Ожье писал: «Драгунство...будучи без панцирей и шлемов, подставляя грудь неприятелю, ездит на конях неказистых и мелких, в то время как другие роды конницы (т.е. гусары, рейтары и казаки) имеют коней шляхетных (т.е. боевых, рыцарских) и сильных...»

Полки и отдельные роты драгун принимали активное участие во всех крупнейших сражениях войны (Вальгоф, Гнев, Диршау, Гуржно), но по своей малочисленности и невысокой боеспособности не сыграли в них сколь-нибудь значительной роли.

Выбранецкая пехота

В 1578 года в коронном , а с 1595 года в литовском войске учредили «выбранцев» - даточных за счет крестьян королевских земель: одного «охотного, смелого, достойного и отличного от прочих» человека с оружием и платьем с 20 ланов (34 га) королевских имений. За временную службу в армии во время войны государственные повинности избранца возлагались на крестьян оставшихся 19 ланов. Первоначально предполагалось, что охотники будут поступать на службу добровольно, потом отбор их поручили «громаде»(крестьянскому обществу.) В случае, если крестьяне не выставляли избранцев, их отбирал сам проводивший набор ротмистр, причем сам он должен был проживать в данном воеводстве.

В течении трех месяцев (квартала) даточному следовало собраться и выступить, имея пищаль (позднее мушкет) с порохом и свинцом, саблю и топор, полное платье и обувь, харчи на дорогу. Заготовленный провиант избранцы должны были везти с собой на возах.

Одеты были они во взятое из дому крестьянское платье.

Выбранецкая пехота отличалась низкой боеспособностью и моральным духом. Что неудивительно: королевский указ о выплате избранцам жолда со временем был отменен, его получали только офицеры. Выбранцев часто заставляли служить без замены, управители на местах лишали их семьи положенных льгот. Поэтому крестьяне от службы стремились всячески уклониться, дезертировали, подставляли на свое место нанятых людей, подкупали ротмистров.

Выбранцы составляли роты по 100-200 человек. Использовали их главным образом для охраны лагеря (при этом гетман Радзивилл отмечал, что они...«из шанцев хорошо стрелять не могут»), хозяйственных, фортификационных и понтонно-мостовых работ, транспортировки артиллерии, гарнизонной службы. Часть выбранецких рот обратили в инженерно-строительные и призывали с лопатами, топорами и прочим плотницким инструментом.

В Пруссии число избранцев доходило до 1 200-1400 человек, в Лифляндии до 600 — 1000. Численность их в польско-литовской армии в течение первой трети века постоянно снижалась.

Артиллерия

Артиллерия в описываемое время делилась на королевскую, местную (городскую) и приватную (магнатскую), Само собой, непосредственно на поле боя могла действовать только артиллерия королевская.

Говорить о технической отсталости Польши в этом роде войска приходится. Общий орудейный парк был велик. В Польше и Литве имелось много литейно-пушечных заводов — крупнейшие в Заглембе-Старопольском, а также в Кракове, Гданьске, Львове, Эльбинге,

многих других городах, было четыре крупных арсенала,- королевский в Кракове, в Мариенбурге(Мальборке), Путциге(Пущке), Каменце, повсеместно было развито производство пороха. Постоянно проводился найм иностранных специалистов,польские шляхтичи выезжали для учебы и практики за границу.

Еще при Сигизмунде Августе в 1550-х годах были определены 7 типов полевых орудий со шкалой калибров от одного до 12 дюймов, - фальконы, фальконеты малые и большие, серпентины, фельдшланги, квартиршланги с длиной 33-38 калибров, а также легкие и тяжелые мортиры. Имелось значительное количество осадных орудий типа «шарфмек», «базилик»,«словик», «спевачка», «норшланг», орудие для метания зажигательных бомб, требующие для перевозки ствола, ложа и припасов от 40 до 160 лошадей. В начале XVII века на вооружение поступили и стали популярны полевые 6-фунтовые «октавы»-картауны длиной 27 калибров.

С конца XVI века в польском войске применялись боевые ракеты для подачи сигналов, поджиганиядеревянных объектов и пороховых мин, поражения и деморализации живой силы противника.

Однакоосновная часть артиллерии (из предположительно более тысячиорудий) охраняла города и крепости и содержалась в арсеналах.Непосредственно на поле боя у поляков никогда не бывало более десятка пушек и применяли они ихнеудачно. Объяснялось это не только потерей двух из трех важнейших арсеналов в начале войны (Мариенбург, Путциг), но прежде всего недооценкой роли полевой артиллерии, неумении и нежеланиииспользовать ее во взаимодействии с конницей и пехотой в современном маневренном бою.

При Меве польские пушкарни не сумели ни нанести существенный урон шведам, укрепившихся за дамбой, ни защитить свои позиции на высотах. При Гуржно орудия расположили так, что им мешали стрелять свои же конница и пехота. При взятиишведских крепостей (Меве, Вормдигт, Путциг) иногда удавалось пробить проломы в стенах, но при неудачной осаде Мариенбурга дуэль с шведской артиллерией на стенах и бастионах была проиграна. В Лифляндии литовская артиллерия вообще никак не прозвучала.

Для польских стратегов пушки всегда играли вспомогательную роль — в них видели лишь средство для обороны своих крепостей и полевых редутов и для взятия вражеских. Тем более длятранспортировки орудий требовалось огромное количество лошадей и возов с припасами, что отрицательно влияло на столь ценимую поляками и литовцами мобильность (по расчетам, данным в артиллерийском уставе 1672 года, для перевозки 87 орудий потребовалось бы2 278 реальных лошадиных сил.)

Хорошего полевого орудия не было. Даже легкую артиллерию практически не перемещали по полю в интересах боя, зачастую использовали неправильно, плохо управляли огнем и не массировали его, не умели поражать противника с закрытых позиций по данным баллистики. Об использовании боевых ракет в этой войне ничего не известно.

Мало было грамотных кадров. Польская артиллерия еще не стала по настоящему регулярной и была на переходе к таковой от ремесленно- цеховой — наемных «вольных артиллерийских рот» На орудие приходилось всего два пушкаря, канонир-наводчик и помощник, что было недостаточно для ведения беглого огня.

Удивительно, но единственную в стране артиллерийскую школу итальянского специалиста Андреа дель Аква содержала не казна, а магнат Замойский в своем имении. Самый образованный класс — шляхта не проявляла особого интереса к этому копотному занятию, считая его уделом немецких наемников и плебеев.

Инженерные войска

Инженерные части организационно принадлежали к артиллерии, подчиняясь генералу артиллерии коронной и литовской, ее имущество хранилось в арсеналах.

Задачей инженерных рот и приданных им пехотных частей, мобилизованных или

нанятых крестьян были возведение понтонных мостов на лодках, бочках, сваях и цепях, оборудование лагерей и полевых укреплений, позиций артиллерии, саперные осадные работы с прокладкой минных галерей, отведение воды от осаждаемых крепостей или, наоборот, затопление их возведением запруды, прокладка дорог.

По ряду позиций польская инженерия была не хуже европейской, но ее развитию мешали плохое финансирование при потере арсеналов в начале войны.

Обоз и челядь

Важную роль играл укрепленный лагерь (обоз, табор), который состоял из возов и мог быстро становиться на огромном пространстве в ряды, быстро выводимые по тревоге и разворачиваемые в походные колонны. Каждый товарищ, каждый почт и каждая хоругвь знали свое место и место своих возов и не занимали чужое, становились и выступали строго в свою очередь. Отвечал за устройство лагеря генеральный обозный, за поддержание дисциплины — профос и его штат.

По описанию очевидца, однажды польско-литовское войско встало лагерем на площади до 3 квадратных километров, при этом поляки имели 74 ряда возов, литвины 40 рядов, а далее еще виднелись подольские (казацкие) обозы.

Табор являлся главной базой и жизненно важным пунктом боя, при его утрате отступление и поражение были неизбежны, поэтому он был заманчивой целью для противника. Однако взять эти ряды окопанных и даже связанных цепями возов и коннице, и пехоте было весьма непросто. В случае необходимости обоз успешно мог обороняться не только резервом и пушками, но и вооруженной огнестрельным и холодным оружием многочисленной челядью.

Челядь («цурь», «обозова голота») из дворовых, хлопов и наемных людей привлекалась для ухода за лошадьми, ведения бивачного хозяйства, заготовки провианта и фуража и сбора трофеев. В силу возможностей у богатых полковников, ротмистров и шляхтичей челядь доходила до 10,25 и даже до 100 и более человек. «Цурь» товарищи также должны были содержать на свой «жолд». Например, получая деньга на 3-5 конных почтовых, они вели с собой еще 5-10 челядников, до 20 коней, из них 5-6 боевых, и по одному возу на жолнежа. В пехоте приходилось по возу примерно на 10 человек.

Практически каждый почт представлял собой замкнутую хозяйственно-боевую единицу, там можно было найти умельцев на все руки — от кузнеца до лекаря. Иногда челядь составляла особые хоругви, принимавшую участие в бою, но чаще охраняла составленный из возов и палаток укрепленный и обнесенный рвом лагерь.

В отличие от западноевропейских армий, у поляков в обозе почти не было женщин. Гетманские артикулы требовали изгнания из лагеря проституток (прозванных «белые головы»), находиться при войске могли только честные жены при законных мужьях, и то в виде исключения.

Именно наличие большого количества боевых и обозных лошадей определяло столь раздутые штаты челяди, превышавшей численность боевого состава в соотношении четыре к трем и два к одному. Обычно в конном войске соблюдалась примерно такая пропорция: на 10 тысяч жолнежей (2 тысячи товарищей конницы и 8 тысяч почтовых) приходилось 10 тысяч возов, 20 тысяч челяди и 40 тысяч коней.

Это создавало свои проблемы — постоянно рыскавшая в поисках провианта и фуража челядь часто разоряла округу и по пути похода и вокруг лагерей. Наронович-Наронский писал: «...на 10 тысяч компутовых 50 тысяч челяди! Громада хлопов проедает припасы, а честные воинские люди голодом мрут...».

Однако наличие большого количества челяди и возов с припасами позволяло польско-литовскому войску действовать без тыловых служб, в отрыве от магазинов и баз снабжения, в

тех местах, где умерла бы с голоду любая другая европейская армия.

Польские и литовские товарищи конницы и их почтовые благодаря обслуге были избавлены от многих хозяйственных забот (каждому коню только воды ежедневно требуется 5 литров.) Жолнежи имели возможность перед баталией нормально выспаться у костра или в палатке, наутро поест горячего ина готовых отдохнувших боевых конях, которых разрешалось использовать только по прямому назначению, в сухой одежде и исправной амуниции выступить, рубиться и скакать весь день, в случае надобности получить новое копьё вместо сломанного и свежего коня прямо в ходе боя. При необходимости челядь обеспечивала эвакуацию раненых и убитых оказание неотложной медицинской помощи. Вечером утомленного товарища ждалужин и отдых в шатре или на возу.

Польский или литовский гусар по сравнению со шведским рейтаром жил барином, напоминая современного спортсмена, которого готовит к выступлению штат обслуги.

Дисциплина и моральный дух

Дисциплинарные «Артикулы военные гетманские» 1609 года сулили нарушителям воинского порядка и мародерам массу неприятностей, включая отсечение головы («бычь гардлем каран»), виселицу и даже посажение на кол. За сопротивление профосам отрубали руку. Бежавшего с поля боя волен был убить любой, а в случае спасения малодушных ждали приговор к бесчестью и участь изгоя. В каждом лагере стояла внушительная виселица.

Армия не была бы армией, если бы не следовала уставам, но в итоге жестокость наказаний смягчалась их невыполнением. Гетманам хотя и с трудом, но удавалось удерживать жолнежей в рамках дисциплины, повиновения и воинского долга. Однако постоянные неплатежи войскам, вынуждавшие их к мародерству и оставлению войска, были сильнее страха наказаний, которые часто не могли быть исполнены гетманами, войсковыми судьями и профосами, так как нарушения дисциплины становились массовыми.

Стояние на одном месте в вислинской дельте, среди лифляндских лесов и болот, в условиях, когда сражения, обычно неудачные, случались один-два раза в год, перемежаясь грабительскими «подъездами», разлагающе действовали на польскую и литовскую армии. Шляхтичи и казаки шли на войну не только за жолд, а и за честью, за подвигами, которые поднимали их общественный статус. Однако случаев для подвигов на долгих мокрых стоянках в голодных зачумленных краях выпадало мало. Честной смертью на поле боя пали немногие — большинство унесла чума и прочие небоевые потери.

Отличались по части «нарушения безобразий» казаки, которые шли на войну за добычей и компенсировали ею задержку денежного довольствия. Но более всех нареканий вызывала челядь (пахолики), дисциплина которых была куда слабее, чем у жолнежей. Свидетельствует о том гневная филиппика вадреспахоликов посполитого рушения военного писателя XVII века Юзефа Нароновича-Наронского: «Иные, по округе рыская, живность ищут и в неволю к татарам попадают, а иные добро, не довезя до своих панов, по базарам пропивают, напиваясь до резни и убийства. Стоя в обозе, часто устраивают пожары и беспорядки... Пахолики и голода мордуют кого ни встретят... днем и ночью доходит до грабежей, краж, драк, белым днем на улицах убийства... Польский пахолик черта стоит...»

При этом хозяином и главным авторитетом для пахолика был не гетман, а пан-товарищ с его плеткой, он отвечал перед ротмистром за дисциплину в своем почте, а ротмистр, в свою очередь, отвечал за свою роту перед гетманом.

В отличие от шведского войска, где ротные и полковые пасторы трижды в день проводили с солдатами богослужения и душеспасительные проповеди, а офицеры раз в день разъясняли уставы, в польском и литовском войске священники имели слабое влияние на армейскую паству, мало было в войсках и самих ксендзов. Уставы требовали от ротмистров личного примера в воспитании товарищей, которые, в свою очередь, должны были склонять к достойному житию в страхе Божьем своих пахоликов.

Однако в государстве, где шляхетская демократия трансформировалась в анархию и

право сильного, шляхта и в войске подавала пахоликам дурные примеры. Рыба гниет с головы: не являл образцов добродетели и сам королевич и будущий король Владислав— даже в походах он открыто жил со своим фаворитом и интимным другом, шляхтичем Адамом Казановским, осыпая его пожалованиями.

Как отмечали иностранные наблюдатели, шляхтичи в ходе компута и посполитого рушения на выданный жолд покупали для себя дорогих коней, выступая в поход на своих поплоше, проматывали казенные деньги, отпущенные на снаряжение, подставляли на смотрах одолженных чужих лошадей и амуницию, вели разгульную жизнь, присваивая плату своих солдат и почтовых, посылая их грабить для своего пропитания. Часты были случаи самовольного отъезда со службы. В феврале 1629 года армия Потоцкого потерпела жестокое поражение под Гуржно потому, что большинство офицеров и товарищей в войске отсутствовали.

В 1621 году, во время сбора посполитого рушения в Краковском воеводстве один шляхтич, за что-то оскорбившись, вызвал на поединок самого воеводу - прямо в соответствии с известным девизом: «Шляхтич с саблей на коне с воеводой наравне!» Буяна урезонили, и затем воевода огласил воинские артикулы, аналогичные принятым в регулярной армии. В ответ делегаты от «призывного контингента» заявили ему, что требованиям артикулов, где почти каждая вторая статья грозит отсечением головы, будут подчиняться только после их одобрения на общем кругу (коло), на который воевода должен явиться лично, а в дальний поход вообще никто идти не согласен. Этот разгул шляхетской демократии завершился ее полной победой: воевода вынужден был согласиться со всеми требованиями.

Гусарский офицер Ян Христом Пасек, которому в 1672 году «выпало счастье» командовать группой шляхтичей-«посполитаков», писал в своих мемуарах: «Пока жив буду, никогда больше такой команды не приму, и желал бы лучше свиной пасти, чем командированных из посполитого рушения в поход вести...»

Действительно «черта стоил» широко известный в Речи Посполитой герой многих войн с татарами, турками, шведами и казаками Самуэль Лащ (1582-1649). В перерывах между военными походами этот гусарский офицер собрал внушительную банду и во главе ее несколько десятилетий подряд(!) занимался вопиющими разбоями и душегубствами. Управы на него так и не нашли. Правда, сеймы и сеймики вынесли в отношении этого рыцаря большой дороги 236 приговоров о «баниции» (изгнании) и 97 — об «инфамии» (лишении чести). Но пан Лащ, имея дукаты и талеры в сундуках, находясь под защитой своих хлопцев и покровительством самого гетмана, велел подбить этими бумажками себе жупан, показав тем самым свое отношение ко всем сеймам с их законами и приговорами.

Будучи предметом восхищения и примером подражания для шляхетской молодежи, умер он своей смертью в звании великого стражника коронного и старосты овручского, - славного воина хватил кондратий во время церемонии коронации Яна-Казимира (мотивы его биографии послужили Генрику Сенкевичу основой для создания образа хорунжего Анджея Кмитица в романе «Потоп»)

.Отдельного разговора заслуживает конфедерация в армии Речи Посполитой. Это - явление — порождение политической культуры демократической шляхетской республики, где шляхта, собравшись, могла объявить королю, говоря по современному, «импичмент» и учинить «рокош» с целью его низложения, своего рода легальный бунт. Конфедерация в данном значении — нечто вроде забастовки с забастовочным комитетом, часто проявлявшаяся форма мирных протестных действий жолнежей против государства, нарушающего по отношению к ним свои обязательства относительно выплаты оговоренного денежного содержания. Объявившие конфедерацию войска временно выходили из повиновения гетманам или их заместителям, прекращали боевые действия и через делегатов («послов») направляли королю или великим или польным гетманам свои претензии, иногда также и политические. Конфедерация считалась незаконной, если объявлялась без согласия на то

главнокомандующего - польного гетмана и всегда была явлением чрезвычайным.

Насилие к начальникам применялось редко, но бывало, что в случае невыполнения их требований конфедераты занимали королевские или церковные имения, где испытывались возмещать свои задолженности, а учитывая запасы горилки, вин, пива и хмельного меду в погребах имений, последствия этого легко представить.

Подавить конфедерацию короли и гетманы не могли, так как запасного войска для этой цели у них не было, и «военная забастовка» заканчивалась по мере выплаты всего или части денежного содержания. Был случай, когда гетман Ходкевич уговорил жолнежей прервать конфедерацию при приближении шведов, которых успешно победили и на время утешились лаврами и трофеями. Всего в течение войны в Пруссии конфедерация случилась один раз - весной 1628 года, второй раз — после войны, прекратившись только после частичного погашения долгов армии.

Случались конфликты на национально-религиозной почве. Поляки и русины меж собой еще уживались, но поляки и немцы, особенно имперские наемники, дрались как кошка с собакой. Нахождение их в одном лагере порой было невозможно.

Осенью 1627 года немецкие мушкетеры под угрозой оружия освободили из-под ареста своего товарища, посаженного под арест войсковым судьей зачинщика драки с поляками. В 1628 году делегация польских жолнежей явилась домой к сенатору Ежи Збаражскому и сообщила ему, что в лагере ходят слухи о том, что немцы сговариваются в ближайшем сражении стрелять не по единоверным шведам, а по полякам и затем перейти к врагу.

Война в глазах шляхты была непопулярна, как непопулярен и сам король Сигизмунд, который упорно не хотел ее заканчивать. Многие жолнежи считали войну лишь затянувшимся и никому не нужным династическим спором.

Стремление короля усилить свою власть, самочинное вхождение в союз с австрийскими Габсбургами в Тридцатилетней войне, дорогостоящие военные авантюры из-за тронов Швеции и России не могли найти поддержку у фрондирующих магнатов, шляхты и сейма, а курс Сигизмунда на контрреформацию и перевод русского населения в унию римской и греческой церковью встречал сопротивление протестантов и православных, имевших сильное лобби в сейме.

Король к тому же не обладал полководческими и государственными талантами, в отличие от его кузена Густава Адольфа, а также гетманов Конецпольского и Радзивилла, на авторитете которых многое держалось. В большей степени обладал военными и административными дарованиями наследник Владислав (1595-1648), но королевич совершенно разумно не брал на себя какого-либо реального командования.

Заключение

Как нет похожих государств, так нет и похожих армий, которые суть порождение существующего социально-экономического строя со всеми его достоинствами и недостатками. Отличное по ряду показателей, прославленное победами польско-литовское войнство, в первую очередь гусария, было создано главным образом для борьбы именно с южным и восточным противником. В частности, этим объясняется неготовность Речи Посполитой ответить на вызов времени «военной революции», западноевропейских армий нового типа, созданных великими теоретиками и практиками военного дела Морицем Оранским, Иоганном Нассауским и Густавом II Адольфом Шведским. Именно это определило осторожную, кунктаторскую тактику польско-литовских полководцев, после первых поражений понявших, что тягаться с современной армией в чистом поле им не по силам и нужно бить только наперняка.

Но дело было и в недостатках организации — огромные затраты оказались неадекватны результатам. Атаки лихих гусар оказалось мало — нужна была долго и надежно работающая военная машина, не уступающая шведской, а ее в наличии не оказалось. Длительное почивание на лаврах в сочетании с нежеланием понять требования новой эпохи

привело к отставанию, а времени на то, чтобы реформировать армию на ходу, история Речи Посполитой не отвела.

Следствием было явное и обидное поражение в длительной и изнурительной, продолжавшейся с перерывами на перемирия почти тридцать лет войне 1600 -1629 годов за трон Швеции и балтийские порты.

Энергичный противник, пришедший с севера, не только успешно пожал плоды проведенной у себя военной реформы, но и заставил нового короля Владислава IV и военно-политическое руководство страны, сейм, сенаторов, гетманов, магнатов ускорить нововведения (как известно, разбитая армия лучше учится.) Благодаря свободе слова и печати лучшие умы разбирали итоги поражения, вскрывали армейские язвы, требовали перемен и предлагали новации.

Меры военной реформы, проведенной Владиславом в 30-е годы, способствовали победам в войнах с Россией, Турцией и Крымом, подавлению казацких восстаний и понуждению Швеции к возврату захваченного Королевской Пруссии без военных действий.

Однако реформирование вооруженных сил в Речи Посполитой порой велось так, чтобы ничего принципиально не менять. Реформы не предусматривали введение рекрутского набора, ограничивались увеличением количественных параметров (числа наемников) и в конечном счете не были закончены, а затем и свернуты - как по экономическим, так и по политическим причинам. Удельные князья-магнаты феодальной республики видели в сильной королевской армии угрозу своему могуществу, а своевольная шляхта не только сама все более не желала нести военные тяготы, но и выступала в сейме против новых военных налогов на эксплуатируемые классы, трудами которых жила. Воинственные рыцари превращались в мирных сибаритов, кутил и псовых охотников, сельских хозяев доходных фольварков, экспортеров хлеба, шерсти и прочих продуктов труда их хлопков, которые большей частью обменивались на заморские вина, пряности и предметы роскоши. «Шляхта пирует — Речь Посполитая гибнет...»

Ради своекорыстных политических и экономических интересов правящий класс торпедировал военную реформу, не дав возможности усилиться центральной королевской власти, которая могла бы мобилизовать силы государства на строительство современных постоянных вооруженных сил на основе воинской повинности и организовать отпор враждебному окружению и внутренним смутам. Сигизмунд III, а затем и его сын Владислав IV проиграли борьбу за введение наследственного правления, отмену «либерум вето», повышение налогов и радикальное увеличение численности постоянной армии.

Это и предопределило кризис державы, катастрофические возмущения и нашествия «Хмельниччины» и «Потопа», постепенный закат могущественного и богатого государства и в итоге окончательное его поглощение соседями.

Источники и литература:

- Karl Ogier. Dzennik podrozy 1635-1636. Gdansk, 1950
- Jan Christozom Pasek, Pamietniki. Warszawa, 1987
- Jerzy Zbaraski. Listy z lat 1621 — 1631, Krakow, 1880
- Антуан де Граммон. Из истории московского похода Яна Казимира.. Цит. по материалам сайта : www.vostlit.info
- Paulus Piasecki. Cronicon gestorum in Europasingularum... Cracoviae 1645.
- Krzysztof Radziwill, Ksiecia Krszysztofa Radziwilla getmana polniego litowskiego sprawy wojenne i politiczne 1621 - 1631. Paris. 1859.
- A. Szelagowski. O uiscie Wisly. Wielka wojna pruska. Warszawa, 1909.
- S. Kutzeba. Polskie ustawy i artykuły wojskowe od XV do XVIII w. Krakow, 1935.
- L. Podgorodecki. Rapira I koncerz. Warszawa, 1985.
- R. Sikora. Wojskowość polska w dobie wojny polsko-szwedzkiej 1626 – 1629. Poznan, 2005.
- J. Teodorczik. Bitwa pod Gniewem - pierwsza porażka husarii. Warszawa, 1966.
- R. Brzezinski. Polish armies (1559 — 1696), London. 1987
- E. Kosiarz. Woyny na Baltiku. Warszawa, 1978.
- E. Kosiaz. Zarys dziejow Polskiej Floty Wojennej. Gdansk, 2008.
- Forum.historia.org. Wielka obojga narodow. Bitwy i woyny.
- A. Korhonen. Sota Livinmaalla 1600-1617. Helsinki. 1936.
- A. Korhonen. Hakkapeliitain historia. Osa I, II. Porvoo – Helsinki, 1939 – 1940
- Skalman forum. Slaget vid Honigfelde.
- А. Тихомиров. Международное положение и дипломатия Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского в 1569 — 1767. История Беларуси. Сборник рефератов. 2006.
- Т. Бохун, Я. Кравчик. Сто повозок гетмана Ходкевича. «Родина», 11, 2006
- С. Лапшов Прусская кампания Густава II Адольфа. «Рейтар», 41 — 45, 2008-2009